Воскресенье 22 марта 1915 | Годъ изданія семнадцатый

Уральская жизнь

газета общественная, литературная и экономическая,

№ 65

выходитъ ежедневно исключая дней послѣпраздничныхъ въ Екатеринбургѣ.

ВЪ 1915 ГОДУ БУДУТЪ ДАНЫ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ.

На 1 мѣсяцъ 75 к.

Отдѣльные номера по 5 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

для помѣщенія въ газетѣ принимаются на мѣстѣ на первой страницѣ по 40 к. за строку петита или мѣсто, ею занимаемое, и на послѣдней страницѣ по 20 к. за строку. Для лицъ имущихъ занятій, съ установленной на объявленіи платы дѣлается большая скидка.

Объявленія изъ раіона Европейской Россіи принимаются: въ конторахъ объявленій Торг. Дома Л. Э. Метцль и К°, Л. Шаберъ, Н. П. Гольдина и др.

За пересылку отдѣльн. объявленій при газетѣ изъ. не болѣе 1 лота взимается по 20 р. за каждую тыс. экземпл.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Доставленныя въ редакцію статьи и всякаго рода извѣстія должны быть съ подписью автора, точнымъ адресомъ его и обозначеніемъ условій. Всѣ рукописи могутъ быть исправляемы по усмотрѣнію редакціи. Мелкія статьи и извѣстія не принятыя редакціей уничтожаются.

РЕПЕРТУАРЪ ПАСХАЛЬНОЙ НЕДѢЛИ.

ГОРОДСКОЙ ТЕАТРЪ

ДИРЕКЦІЯ А. Н. ДРАКУЛИ.

ДНЕМЪ Въ понедѣльникъ, 23 марта
Жизнь за Царя
участв. г-жи Мейнгардтъ, Морозова, г-да Рогинскій, Дракули.
Начало въ 12½ час. дня.
ВЕЧЕРОМЪ
Мазепа
участв. г-жи Нестеренко, Евгенева, г-да Залинскій, Ульяновъ, Никольскій.
Начало въ 8 час. веч.

ДНЕМЪ Во вторникъ, 24 марта
Евгеній Онѣгинъ
Начало въ 2 час. дня. Вечеромъ спект. нѣтъ.
ДНЕМЪ Въ среду, 25 марта
ДЕМОНЪ.
ВЕЧЕРОМЪ.
Пиковая дама.
Въ четвергъ, 26 марта
САДКО.

Въ пятницу, 27 марта
ЛАКМЭ.
Въ субботу, 28 марта
Дни нашей жизни.
ДНЕМЪ Въ воскресенье, 29 марта
КАРМЕНЪ
ВЕЧЕРОМЪ
Евгеній Онѣгинъ.

Капельмейстеры В. Я. Морской, Е. Я. Фюретъ. Балетмейстер, М. Ф. Моисеевъ. Солистка—Балер. Е. Новикова. Режиссеръ Е. І. Шастанъ.
Билеты на всѣ объявленные спектакли продаются въ кассѣ театра съ 11 ч. до 2 ч. и съ 5 ч. до 7 ч.

Городской театръ
Первая Гастрольная поѣздка по Сибири Товарищества артистовъ Московскаго Театра Ф. А. Корша.
ТОЛЬКО ЧЕТЫРЕ ГАСТРОЛИ
Во вторникъ, 14 апрѣля
Счастлива я Женщина пьеса въ 4 д. Щепкиной-Куперникъ.
Въ среду, 15 апрѣля
Отголоски Жизни пьеса въ 4 д. И. Львовскаго.
Въ Четвергъ, 16 апрѣля
—I— Когда заговоритъ сердце ком. въ 3 д. Фр. де-Круассэ.
—II— Покинутая ком. въ 1 д. М. Мореаль.
Въ пятницу, 17 Апрѣля ПРОЩАЛЬНЫЙ СПЕКТАКЛЬ
Дѣвушка за стѣной сцены обыден. жизни въ 4 д. А. Серафимовича.
Билеты продаются въ магазинѣ „Спеціальн. Шлянъ" Покров. просп. д. Петрова противъ Американ. Гостиницы, а въ день спектакля въ кассѣ театра съ 11 ч. до 2 ч. дня и съ 5 веч. до окончанія спектакля.
Предсѣдатель Т-ва А. Г. Аяровъ

ТЕАТРЪ „ЛОРАНЖЪ"
Праздничный репертуаръ
23 и 24 марта
1) Праздники на передовыхъ позиціяхъ
изданіе Скобелевскаго Комитета.
2) Манифестаціи въ Москвѣ.
СЕРДЦЕ, МОЛЧИ!
жизненная трагедія въ 2-хъ част. и другія.
25 и 26 марта
Вотъ мчится тройка
драма въ 3-хъ част. по Русской пѣснѣ и другія.
27 и 28 марта
ЛЮБОВЬ ЦЫГАНКИ
Рѣдкая по исполненію, сюжету и постановкѣ драма въ 4-хъ част.
Особое вниманіе

Екатеринбургское Общественное Собраніе.
Во вторникъ, 24 марта состоится
ЛЕКЦІЯ
Бывш. Товарища Предсѣдателя 2-ой Государств Думы.
ПРОФЕССОРА
Николая Андреевича
ГРЕДЕСКУЛА
на тему:
Насиліе надъ міромъ
Европейская война. Роль въ ней Россіи.
Начало лекціи въ 8½ часовъ вечера.
Билеты продаются въ музыкальномъ магазинѣ Е. М. Зимной бывш. Кеттереръ. Покровск. пр. № 45 въ день лекціи въ Обществ. Собраніи съ 6 ч. веч.

Городской театръ-кинематографъ
ПАСХАЛЬНАЯ ПРОГРАММА
СЪ 23-го МАРТА
СМЕРТЬ дерзновенному
драма въ 3-хъ большихъ частяхъ
Каталонія вдовая. || Неуловимый преступникъ комич.
СЪ 26-го МАРТА
ПОДВИГЪ БЕЛЬГІЙСКОЙ ЖЕНЩИНЫ
или черезъ непріятельскій огонь.
Эта картина всецѣло основана на происшествіяхъ имѣвшихъ мѣсто вокругъ МОНСА, гдѣ Британскія тамъ доблестно защищали старыя свои традиціи.
Каминъ женится комическая и другія.

СОВѢТЪ СТАРШИНЪ КОММЕРЧЕСКАГО СОБРАНІЯ
доводитъ до свѣдѣнія г.г. членовъ и постоянныхъ гостей,
что 19, 20, 21 и 22 сего марта
СОБРАНІЕ БУДЕТЪ ЗАКРЫТО,
25 и 28 имѣютъ быть Семейно-Танцевальные вечера.
Танцы до 12 час. ночи.

СНОВА ПОПАЛСЯ
Я люблю курить хорошія гильзы и поэтому вчера въ табачный магазинъ и вѣжливо прошу: „Дайте коробку Гильзъ Катыка".
Пришелъ домой, развернулъ пакетъ и вижу, что подсунули коробку какихъ то другихъ гильзъ. Господа курящіе, прошу Васъ смотрите, чтобы на коробкѣ была всегда надпись
ГИЛЬЗЫ КАТЫКА.

Табачный магазинъ О. М. САВАЧЕНКО
Покров. пр. около аптеки Линдеръ тел. № 499. Всегда въ большомъ выборѣ лучшій табакъ, сигары, папиросы, разн. курительныя принадлежности. Иногор. заказы исполн. по почтѣ.

Выражаю искреннюю благодарность друзьямъ, почитателямъ и всѣмъ собравшимся проводить такъ неожиданно утраченнаго и горячо любимаго моего мужа

Владимира Афонасьевича Ухова

Вдова надворнаго совѣтника А. Ухова.

АКЦІОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
Б. И. ВИННЕРЪ
для выдѣлки и продажи взрывчатыхъ веществъ для надобностей горнозаводской промышленности предлагаетъ Г.г. Горнопромышленникамъ свои произведенія, какъ-то: динамитъ всегда свѣжей выработки, шедитъ новое (безопасное) взрывчатое вещество, шнуры, для мокрыхъ и сухихъ работъ своей фабрики. Бѣлый горный порохъ минный и охотничій бездымный. (Лишова). Электрическія машинки, изолированные провода для взрывовъ.
Всѣ упомянутые матеріалы самаго наивысшаго качества.
Съ требованіями обращаться въ ЕКАТЕРИНБУРГЪ къ уполномоченному А. А. ЖЕЛѢЗНОВУ (складъ въ Н.-Тагилѣ) и МИАССѢ—къ завѣдующему отд. Южн. Урала Н. А. ЖЕЛѢЗНОВУ.

Русское Акціонерное Общество
СИМЕНСЪ-ШУККЕРТЪ
Екатеринбургское Отдѣленіе
Пушкинская домъ Ятесъ. ТЕЛЕФОНЪ № 323.
ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ
городовъ, рудниковъ, заводовъ и проч.
Электрическая передача силъ,
Электрическая тяга.
БУРОВЫЯ МАШИНЫ.
СКЛАДЪ всѣхъ фабрикатовъ Общества.
Смѣты и проекты вырабатываются безплатно.
Каталоги по востребованію.
АДРЕСЪ для ТЕЛЕГРАММЪ:
„Екатеринбургъ, СИМЕНСШУККЕРТЪ".

ВОДО-ЭЛЕКТРО-СВѢТО-ЛЕЧЕБНИЦА
ВЪ ПЕРМИ
отдѣльн. комн. для больныхъ
ВРАЧА
Фишмахъ.
Леченіе физич. метод.: неврастеніи, истеріи, параличи, невралг. и др. нерв. бол. Ревматизмъ, подагра, ожир., женск. и кожн. бол., запор. геморрои (безбол. токи д'Арсонвала). Углекисл. и кислородн. ванны насыщ., полъ давленіемъ. Рентгена каб., д'Арсонвализація. Леченіе внушеніемъ алкогол. и друг. болѣзн. Консультація врачей спеціалист. Больн. Ямская соб. д. № 45. Телеф. 365.

КЕФИРЪ ГОТОВИТЪ
бактеріологически чистый
Пастеровская ферма" С. В. Коровиной Водочная, 135.

Докторъ медицины
А. И. Удинцевъ.
Возобновилъ пріемъ больныхъ
по внутреннимъ болѣзнямъ
Ежедневно отъ 5—7 ч. вечера.
ПЕРЕѢХАЛЪ на 2-ю Береговую д. Скрябина, № 6 второй домъ отъ Покровскаго проспекта.
Телефонъ 658.

Женщина-врачъ
А. П. Попова
женскія, внутреннія, дѣтскія болѣзни.
Пріемъ ежедневно днемъ отъ 1 час. до 3 час. вечеромъ отъ 6 до 7 ч. По праздникамъ пріемъ только утромъ отъ 11 до 1 час.
Клубная ул. № 18, д. Банковской квартиры № 6 между Колосовской ул. и Вознесенск. пр. противъ сада Голландскаго.

Сдается помѣщеніе
подъ магазинъ или контору въ домѣ Сибирскаго Тор. Б-ка напротивъ магазина Зато.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ!

Звучитъ такъ грозно канонада,
Шипитъ шрапнель; царятъ кругомъ
И кровь, и смерть... Всѣ силы ада
Полны безумнымъ торжествомъ.
Покрыто дымомъ все какъ тучей,
Тревожно стонетъ старый лѣсъ,
Но вотъ прорвется свѣтъ могучій
И сгибнетъ адъ... Христосъ Воскресъ!
Христосъ Воскресъ! И яркимъ солнцемъ
Насъ озаритъ всѣхъ Божество;
Близка побѣда надъ тевтонцемъ
И близко правды торжество.

П. ЭЛЬГРИКО.

ВЪ КАТАКОМБАХЪ.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДРАМЫ «ДВА МІРА»—АНАТОЛІЯ ДОБРОХОТОВА).

(Молитвенное собраніе христіанъ. Въ катакомбѣ полумракъ, освѣщаемый смоляными факелами. Христіане въ бѣлыхъ одеждахъ (хитонахъ) стоятъ на колѣняхъ со сложенными на грудь руками и поютъ гимнъ, между ними также на колѣняхъ Лигія. Виниціи стоитъ въ сторонѣ).

Тихое пѣніе хоромъ.

Въ будущемъ радостномъ мірѣ
Нѣтъ воздыханій и слезъ,
Въ звѣздномъ лазурномъ эфирѣ
Царствуетъ вѣчно Христосъ.
Скорбь исцѣлится людская,
Муки, печали пройдутъ...
Въ свѣтлой обители рая
Ангелы пѣсни поютъ.
Любимъ мы Господа нѣжно...
Въ мірѣ земномъ суета.
Мы почивать безмятежно
Будемъ на лонѣ Христа.

(Пѣніе замолкаетъ. Поющіе поднимаются).

Христіанскій учитель—старецъ.

О, братья милые, опять грозятъ гоненья
И пытки, и костры, и муки въ цирке намъ...
Умѣйте жить, умереть съ улыбкой примиренья,
Простите зло своимъ гонителямъ—врагамъ.
Вы вспомните Христа, какъ Онъ умѣлъ прощать,
Молиться за враговъ, за палачей страдать.
Пускай Меня — Онъ рекъ — и мучать, и казнять,
Они не вѣдаютъ и сами, что творятъ.
Я вспоминаю вновь въ садахъ Нерона казни,
И пытки страшныя, и муки безъ конца,
Какъ погибали тамъ съ молитвой безъ боязни
Съ улыбкой радостной и кроткою лица.
Мнѣ грезятся столбы, облитые смолою.
На тѣхъ столбахъ висятъ поборники Христа:
Они осмѣяны безумною толпою,
Прощеніе врагамъ лишь шепчутъ ихъ уста.
По знаку Нерона столбы вдругъ запылали...
Огонь все выше шелъ, вѣбираясь все сильнѣй,
И зрители кругомъ съ усмѣшкою взирали
На сотни, тысячи мучительныхъ смертей.
Огонь все выше шелъ съ могучей, страшной силой,
Охватывалъ кругомъ гирлянды туберозъ,
А голосъ со столба звучалъ: «прощай, мой милый,
Увидимся въ раю среди цвѣтущихъ розъ».
А пламя все сильнѣй.... зеленый плющъ пылаетъ....
Для жертвъ замученныхъ раскрытъ лазурный рай,
И голосъ дѣвочки изъ пламени рыдаетъ:
«О, мама милая, о мамочка, прощай»!
...Изъ праха тѣхъ бойцовъ за Правду и Свободу
Взойдетъ святой любви, любви прекрасной цвѣтъ,
И возвѣстится вѣсть несчастному народу:
«Рабовъ и деспотовъ предъ Богомъ правды нѣтъ».
Изъ праха тѣхъ бойцовъ, изъ ихъ святого праха
Взойдетъ о лучшихъ дняхъ лазурная мечта—
Ея не истребятъ ни пытка и ни плаха,
Ее хранятъ въ сердцахъ поборники Христа.

(Христіане расходятся. Христіанскій учитель разговариваетъ съ Лигіей горячо любимой патриціемъ Виниціемъ. Затѣмъ Лигія уходитъ изъ катакомбы).

Виниціи.

Священный трепетъ здѣсь овладѣваетъ мною,
Душа моя блаженныхъ грезъ полна.
Мнѣ хорошо... Восторга я не скрою,
И будущность моя лазурна и ясна.
Умомъ не понялъ я, но сердцемъ понимаю
Ученье кроткое прощать враговъ своихъ,
Учителя любви къ врагамъ совсѣмъ не знаю,
Но сталъ онъ властелинъ завѣтныхъ думъ моихъ.
Могла ли Лигія съ душою чистой, нѣжной,
Поклонницею стать религіи мятежной.
Нѣтъ, та религія, что ею избрана,
Должна быть свѣтлою, прекрасной, какъ она.

Христіанскій учитель (подходя къ Виницію).

Привѣтъ тебѣ отъ имени Христа.

Виниціи.

Религія моя, о старецъ, красота.
Въ Юпитера, Олимпъ не вѣрю я давно—
Въ наивный вѣрить миѳъ и глупо, и смѣшно.
Но загорѣлась здѣсь во мнѣ другая вѣра...
Быть можетъ, и она наивная химера.

Христіанскій учитель.

Не загаси въ груди той искры золотой,
Дай разгорѣться ей въ могучей вѣры пламя.
Быть можетъ, милый сынъ, религія святой
Держать ты будешь знамя.
И красота, и молодость пройдетъ,
И надоѣстъ тогда земныхъ восторговъ рой.
Взамѣнъ имъ старость грустная придетъ...
Какъ страшно жить тогда безъ вѣры золотой?

(Входитъ женщина съ радостнымъ лицомъ и подходитъ къ учителю съ уваженіемъ).

Женщина (радостно).

Криспъ изъ Сицилія вернулся и сказалъ:
Мой братъ, мой милый братъ христіаниномъ сталъ.
Вотъ онъ прислалъ письмо, прочти его, учитель.

(Подаетъ старцу письмо).

Учитель (читаетъ письмо).

Апостолъ Петръ вчера крестилъ меня,
Восторгомъ сладостнымъ полна душа моя.
Вѣдь я, вчерашній рабъ, свободнымъ сталъ теперь,
Свободнымъ, какъ орелъ, въ странѣ своей родной,
И ты ужъ не рабыня, о милая сестра,
Свободны мы съ тобой!
Отца и всѣхъ родныхъ ты нѣжно поцѣлуй,
А къ мамѣ дорогой на кладбище сходи
И на могилѣ тамъ въ честь нашего Христа
Ты колокольчиковъ побольше посади.
Скажи ей: сынъ ей шлетъ свободный свой поклонъ,
Вѣдь наша мать была безправною рабой:
Скажи, что смерти нѣтъ, что прерванъ мертвый сонъ...
«О, мама милая, безсмертны мы съ тобой»!

Учитель (къ Виницію).

Ты видишь, что творитъ религія Христа?
Какая скрыта въ ней любовь и красота!
Какъ чудно дѣлаетъ она раба свободнымъ,
И кроткимъ палача, злодѣя благороднымъ.

Виниціи.

Я чувствую себя въ волшебномъ полуснѣ...
Еще одно скажи, одно, Учитель, мнѣ:
Что если въ небесахъ, въ божественномъ саду
Мою Лигію во вѣки не найду?

Учитель.

Мой милый сынъ, молись, не унывая.
Ты съ нею встрѣтишься въ чертогахъ свѣтлыхъ рая.

Виниціи (восторженно).

Какъ сдѣлалось свѣтло... отверзлись небеса....
Я вѣрю въ Господа, я вѣрю въ чудеса...

(Преклоняется на колѣни предъ учителемъ. Катакомба наполняется розовымъ свѣтомъ).

(Входитъ толпа римскихъ воиновъ).

Начальникъ (къ воинамъ).

Закуйте въ цѣпи ихъ, отечества враговъ.
Самъ цезарь повелѣлъ схватить бунтовщиковъ.

(Замѣтивъ Виниція, съ изумленіемъ).

Какъ ты попалъ сюда, ты, римскій гражданинъ?

Виниціи.

Прощай, презрѣнный Римъ! И я христіанинъ!

(Воины уводятъ Виниція и учителя).

АНАТОЛІЙ ДОБРОХОТОВЪ.

„ЧАСЪ МИРА".

Разсказъ Е. КАЗИНОЙ.

Послѣ цѣлой недѣли ожесточенной перестрѣлки на значительное разстояніе, когда не видно врага, не видно цѣли, по которой стрѣляешь, и, неизвѣстно, откуда стрѣляетъ противникъ, только по разрывающимся снарядамъ то дальше, то ближе опредѣляешь его мѣстонахожденіе,—цѣпи стрѣлковъ удалось, наконецъ, приблизиться къ непріятельскимъ позиціямъ и окопаться на разстояніи пятисотъ шаговъ отъ послѣднихъ.

Солдаты были рады этому.

Они чувствовали себя лучше въ окопахъ вблизи отъ непріятеля, котораго теперь было видно.

Но не хотѣлось стрѣлять.

Сознаніе того, что канунъ Воскресенія задерживало руку отъ нажатія курка.

Хотѣлось встрѣтить праздникъ по христіански. Чувствовалось особое благоговѣніе передъ наступающей Великой Ночью.

Солдаты невольно готовились къ встрѣчѣ праздника: устилали свои землянки свѣжей соломой, старались вездѣ навести порядокъ, разводили костры и кипятили чай.

Извѣстіе о прибытіи транспорта съ подарками, съ краснымъ яичкомъ, съ письмами отъ родныхъ окончательно создавало праздничное настроеніе.

Перестрѣливались вяло.

Непріятель тоже не проявлялъ особой живости, очевидно и тамъ были заняты чѣмъ то другимъ....

Уже совсѣмъ стемнѣло.

У костра за горячимъ чаемъ собралась кучка солдатъ.

Здѣсь былъ и Иванъ изъ Нижегородской губ. и Никита изъ Пензенской губ., Тарасъ изъ Полтавской и Вацлавъ изъ Ломжинской.

Всѣ были знакомы, всѣ близки одинъ другому, какъ будто и родились и росли въ одной семьѣ.

Дѣйствовалъ ли горячій напитокъ, тихая ли торжественная ночь, воспоминанія ли о далекой семьѣ, о пашнѣ родимой—кто знаетъ, но всѣмъ хотѣлось дѣлиться мыслями о своемъ житьѣ—бытьѣ, о своемъ далекомъ и безгранично дорогомъ...

Хотѣлось хоть на мигъ разстаться съ переживаемымъ и пожить бытомъ родной деревни.

Но пронзительный свистъ шрапнели, пронесшійся надъ окопами заставилъ солдатъ вернуться къ дѣйствительности.

— Неужто и въ Святую Ночь будутъ стрѣлять нехристи—произнесъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Извѣстно будутъ, супостаты,—вздохнулъ другой.

— Та винъ ленкается, якъ цюцикъ лае,—остриулъ Тарасъ Полтавскій.

— Не, панове, не такъ мувите, сегодня Велика Ночь и у нѣмца и у австріака, у всѣхъ христіанъ одинаково...—старался пояснить Вацлавъ Ломжинскій, — совпаденіе Пасхи въ нынѣшнемъ году въ одинъ день у всѣхъ христіанъ различныхъ вѣроисповѣданій.

— Такъ какъ же не уважать праздника великаго ни своего, ни чужого?!—недоумѣвали солдаты.

— Хитрый онъ—напъ то врагъ,—пробуетъ: не думаемъ ли мы чего...

Вошедшій молодой безусый солдатъ прервалъ разсужденія товарищей сказавъ, что всѣхъ зовутъ къ ротному, что тамъ въ его землянкѣ раздаютъ пасхальные подарки и письма.

Солдаты обрадовались этому извѣстію и быстро вскочивъ съ полу направились къ выходу.

Около землянки ротнаго высились груды пакетовъ.

Старшій унтеръ-офицеръ выкликивалъ имена солдатъ по списку, а ротный слѣдилъ за порядкомъ.

Дѣло уже близилось къ концу.

Всѣ были радостно настроены, разбирались въ полученныхъ гостинцахъ, читали письма, дѣлились впечатлѣніями.

Непріятель, какъ будто не желая нарушать лирическое настроеніе противника, совершенно прекратилъ перестрѣлку.

Наступила глубокая тишина, и, теперь, казалось, ничто и никогда не нарушало ее.

Серебряный лунный свѣтъ отчетливо выдѣлялъ чернѣвшую въ сторонѣ рощу и мелкій кустарникъ.

Близилась полночь.

Получившіе подарки солдаты тихо расходились по своимъ мѣстамъ.

Вдругъ, вдалекѣ кто-то замѣтилъ черную точку, которая постепенно росла и, уже, всматриваясь пристальнѣй, можно было различить группу австрійцевъ—солдатъ, направляющихся къ окопамъ русскихъ.

— Ишь не терпится имъ и въ Святую Ночь,—ворчали солдаты.

— Готовься!!—скомандовалъ ротный.

Въ одну минуту солдаты были готовы къ встрѣчѣ врага, но первые огня не открывали.

Между тѣмъ группа приближалась и приближалась.

Когда ясно можно было различить всѣхъ идущихъ, ротный первый замѣтилъ, что австрійцы не вооружены, а потому не могъ понять, къ чему этотъ полуночный визитъ.

Добрая мысль на мгновенье мелькнула въ его мозгу, но, наученный горькимъ опытомъ въ отношеніи довѣрчивости къ врагу,—онъ продолжалъ все еще держать своихъ солдатъ въ готовности къ стычкѣ.

Шагахъ въ тридцати отъ окопа австрійцы остановились.

Одинъ изъ нихъ отдѣлился отъ группы и приблизился къ ротному, вышедшему ему навстрѣчу.

— Христосъ Воскресе!—сказалъ по русски подошедшій австріакъ, отдавая честь ротному.—Мы посланы отъ своихъ товарищей сказать вамъ русскимъ эти слова. Сейчасъ полночь. У всѣхъ христіанъ Великій Праздникъ. Тамъ, дома, у васъ и у насъ въ этотъ моментъ всюду слышно: Христосъ Воскресе... Забудемъ же и мы хоть на мигъ вражду....

Дружное ура нашихъ солдатъ прервало рѣчь австрійца.

— Воистину Воскресе!—отвѣтили наши, приглашая къ себѣ остальную стоявшую въ сторонѣ группу.

Отъ всей души подѣлились потомъ они съ врагами полученными подарками.

Черезъ часъ австрійцы снова возвращались въ свои окопы.

Наши ихъ не задерживали.

«Часъ мира» обновилъ сердце враждующихъ, принесъ съ собой моментъ забвенья переживаемыхъ ужасовъ...

Занималась заря.

Съ горизонта неслась ружейная трескотня и свистъ шрапнели.

Сегодня ожидался большой бой...

Е. КАЗИНА.

СУДЬБА.

Разсказъ АННЫ САКСАГАНСКОЙ.

Въ вагонѣ душно. Въ полутьмѣ длинныя, вытянутыя на скамьяхъ фигуры раненыхъ, кажутся мраморными изваяніями; нарушая временами эту иллюзію тревожными вскрикиваніями во снѣ; горячечнымъ бредомъ или стонами.

Сестры подходятъ, нагибаются надъ ними, кого успокаиваютъ ласковымъ шопотомъ, кому даютъ лекарство, или дѣлаютъ новую перевязку. Наступаетъ временное спокойствіе.

Вагоны громыхаютъ, позвякиваютъ цѣпи, длительно свиститъ паровозъ.

Сестра Ольга — худенькая, маленькая, въ сѣромъ платьѣ, въ бѣломъ передникѣ съ краснымъ крестомъ на груди, — кажется совсѣмъ дѣвочкой. Большими печальными глазами смотритъ она, нагнувшись надъ тяжело раненымъ офицеромъ, и поитъ его лимонной водой, которую жадно пьютъ запекшіяся губы офицера. Голова его тонетъ во мракѣ и черты его лица совершенно нельзя различить.

Ночью поѣздъ забралъ новый транспортъ раненыхъ на одномъ изъ пунктовъ и ихъ всѣхъ везутъ въ ближайшій городъ въ лазаретъ.

Голова раненаго, которую поддерживаетъ рука сестры, дрожитъ, и она осторожно, боясь причинить малѣйшую боль раненому, тихо вынимаетъ руку изъ подъ горячей шеи офицера, поправляетъ подушки, и, видя, что раненый задремалъ, не слышно отошла и стала къ окну. Ей не хотѣлось спать, несмотря на страшную усталость, мысли бѣгутъ съ быстротой поѣзда, а можетъ быть и быстрѣй.

Она отдернула занавѣску, прижалась лбомъ къ стеклу и начала смотрѣть въ окно.

Длинной лентой вился дымъ отъ горячо и шумно пыхтящаго локомотива. Игриво выскакивали искры, метались и взлетали огневыми звѣздами и, падая, гасли, прикасаясь къ землѣ. Мелькалъ лѣсъ загадочный, далекій свидѣтель жуткихъ, тревожныхъ событій. Издали, какъ костры, горѣли зажженныя снарядами усадьбы. А надъ всѣмъ этимъ ужасомъ, словно оберегая далекій неразгаданный міръ плотной массой голубымъ полотомъ задернулось небо.

Ольга прижала руки къ сердцу и слезы одна за другой скатывались съ глазъ.

Вспомнила, что сегодня Страстная Суббота... и мелькнула передъ нею далекая, далекая родина.

По странной ассоціаціи идей вспомнилась ей Страстная Суббота, которую она, счастливая и радостная, встрѣчала съ любимымъ человѣкомъ. Давно это было. Десять лѣтъ тому назадъ, когда Ольгѣ было восемьнадцать лѣтъ и она была такой юной, только что окончившей гимназію, не знающей жизни, избалованной родителями, которые скрывали отъ дочерей свое разореніе. И когда она кончила гимназію, ей было заявлено, что они нищіе и она должна была искать себѣ какихъ либо занятій, чтобы не погибнуть въ людской сутолокѣ.

Ольга сразу сдѣлалась сильной, перестала быть дѣвочкой.

Вскорѣ мѣсто было найдено у помѣщика Косова, заниматься съ двумя дѣвочками. Ольга уѣхала въ имѣніе и зажила другой жизнью. Мечты о веселой, радостной жизни быстро исчезали.

Воспоминанія слѣдовали за воспоминаніями, въ ея воображеніи проносились различные эпизоды изъ ея прошлой жизни, мелькали цѣлыя вереницы знакомыхъ, полузабытыхъ лицъ..

И вотъ передъ нею предсталъ онъ, Борисъ, блестящій офицеръ, старшій сынъ хозяевъ.

Съ перваго взгляда на него—она полюбила его и онъ увидя ее, также не остался равнодушнымъ къ ней, онъ старался отличить ее, скромную преподавательницу своихъ сестеръ, среди блестящихъ богатыхъ барышенъ.

Она ясно вспомнила его ласковыя преисполненныя восхищенія слова, его первое признаніе, когда они возвращались въ Страстную Субботу изъ деревенской церкви. Ярко горѣли звѣзды. Небо было бархатное глубоко-синее. Съ полей несло влажной землей и неуловимымъ запахомъ весны. Старая церковь была полна народу и вся залита огнями. Они вышли вдвоемъ изъ церкви; она вся радостная, взволнованная, преисполненная какимъ то торжественнымъ чувствомъ. Онъ взялъ ее подъ руку и они молча пошли, оба взволнованные, съ радостно бьющимися сердцами — домой.

— Я люблю васъ, Ольга, — сказалъ онъ. —Будьте моей женой. Вы любите меня?

Вмѣсто отвѣта, она трепетно заплакала.

Онъ поднялъ ея залитое слезами лицо и горячо поцѣловалъ.

Косовы были возмущены, узнавъ, что сынъ хочетъ жениться на бѣдной гувернанткѣ; ему пришлось уѣхать въ Петроградъ, а ей было отказано мѣсто.

Первое время переписка велась горячая, но мало по малу письма стали получаться все рѣже и рѣже, наконецъ, онъ совершенно пересталъ писать.

Ольга много перестрадала за это время, замужъ она не вышла и осталась въ ихъ городкѣ учительницей въ гимназіи.

Какъ только разразилась надъ Россіей кровавая буря, Ольга окончивъ курсы сестеръ милосердія, поѣхала на передовыя позиціи. Никто не ожидалъ отъ этой хрупкой маленькой женщины столько силы воли, энергіи и стойкости,—сколько она проявила.

Поѣздъ сталъ убавлять ходъ. Раздался рѣзкій свистокъ, замелькали огни станціи. Ольга увидѣла на площадкѣ много народу со свѣчками, священника въ полномъ облаченіи съ причтомъ.

Радостно дрогнуло сердце. Не забыли ихъ въ Страстную Субботу, вспомнили и встрѣтили, какъ желанныхъ гостей.

Проснулись раненые.

— Сестра, — тихо позвалъ офицеръ Ольгу, — гдѣ мы?

Она нагнулась и радостно взволнованная отвѣтила:

— Это станція П. Народъ насъ встрѣчаетъ со всѣмъ причтомъ. Сегодня Страстная Суббота...

Тихо поплыли колокольные звоны, раненые медленно перекрестились.

— Попросите сюда батюшку, пусть пройдетъ крестнымъ ходомъ, — попросили раненые.

Ольга живо передала просьбу врачу, тотъ далъ согласіе и батюшка въ сопровожденіи причта зашелъ въ вагонъ.

Ольга молилась горячо.

— Христосъ Воскресе!

Больные радостно взволнованные цѣловали крестъ...

Вскорѣ поѣздъ тронулся, но спокойствіе было нарушено.

Раненый офицеръ попросилъ Ольгу дать ему кусочекъ кулича. Ольга отрѣзала крохотный, чтобы удовлетворить просьбу и подала ему.

— Христосъ Воскресе, родной! — задушевно сказала она, нагибаясь близко къ нему и что-то вдругъ оборвалось у нея въ душѣ, руки дрогнули и кусокъ кулича упалъ на одѣяло.

Свѣтъ фонаря прямо ударялъ въ лицо офицера и Ольга узнала далекія, никогда незабываемыя, хотя теперь страшно измѣнившіяся черты лица любимаго человѣка.

Онъ тоже какъ-то странно посмотрѣлъ на нее и краска немедленно покрыла желтыя щеки.

— Ольга! — тихо, словно стонъ сорвался съ его губъ.

Но Ольга овладѣла собою.

— Лежите спокойно, — тихо сказала она.

— Ольга, Ольга, это вы?!. скажите, что я не ошибся, — голосъ его словно окрѣпъ и онъ сдѣлалъ движеніе.

Она испугалась и положила ему руку на голову.

— Ради Бога, не волнуйтесь, потомъ, потомъ поговоримъ, — сказала она и голосъ ея дрожалъ.

Но онъ взволнованно протянулъ ей руку; она взяла его горячую руку, стала на колѣни передъ койкой.

— Спите, я буду здѣсь, возлѣ васъ.

— Оля, — послышался его шопотъ, — ты простила?!. Все простила, никогда не винила,—близко къ ней нагнувшись спросилъ онъ. Оля, я не женатъ... Оля, я васъ всегда помнилъ.. Оля, я не знаю, буду-ли живъ, дайте слово, снимите тяжесть съ души, если выздоровлю, — выйди за меня замужъ..

Онъ волновался. Ольга пугалась его состоянія. Минуты были тяжелы. Хотѣлось рыдать...

— Хорошо, хорошо, дорогой!.. — быстро, желая успокоить его, сказала она. — Спите!

— Спасибо, — тихо сказалъ онъ. — Не отнимайте руку, не уходите отъ меня.

— Я здѣсь возлѣ васъ буду всю ночь, — сказала она.

Ярко солнце смотрѣло въ душный вагонъ, медицинскій персоналъ суетился возлѣ раненыхъ.

Ольга стояла у койки Бориса и смотрѣла на доктора, ловя его взглядъ, чтобы по нему понять насколько опасно раненъ офицеръ.

— Скоро будете молодцомъ! — весело сказалъ докторъ. — Потерпите немного.

И Ольга поняла, что есть надежда.

Радостно дрогнуло сердце. Она встрѣтилась взглядомъ съ любимымъ человѣкомъ и поняла, что Святая Ночь не даромъ прошла для нея, что она принесла ей счастье... И слезы застилали ея глаза.

Онъ взялъ ея руку и прижалъ къ своимъ губамъ.

Кругомъ христосовались.

АННА САКСАГАНСКАЯ.

РАЗВОДЪ.

Разсказъ С. СЕМЕНОВА-ВОЛЖСКАГО.

Елена Васильевна—простая и нѣжная.

У нея простыя, ясныя мысли, простыя и понятныя слова.

Съ ней можно всю жизнь прожить тихо и любовно, какъ живутъ со своими женами многіе, и всегда она была бы простой и нетребовательной, любящей и вѣрной.

До женитьбы Николаю Петровичу казалось, что это хорошо, и была увѣренность, что тихая безмятежная жизнь съ Еленой Васильевной дастъ ему радость и успокоеніе послѣ тревогъ и неудачъ молодости.

Первые мѣсяцы такъ и проходили, и Николай Петровичъ чувствовалъ, что упокоенъ въ чемъ-то непривычно-спокойномъ, мягкомъ, не требующемъ вопросовъ, не заставляющемъ думать, чего-то искать, ждать и волноваться неисполнимыми желаніями. Но и тогда вспыхивали тоска и неудовлетворенность. А потомъ все больше выростала неясная тревога, и смутное ощущеніе, что что-то потеряно, къ чему-то нужно возвратиться, что-то найти—поднималось высокой трепетной волной.

Въ обстановкѣ комнатъ, въ непривычномъ уютѣ и спокойномъ распорядкѣ дня, въ строго-послѣдовательной смѣнѣ совсѣмъ новыхъ событій и фактовъ— во всемъ было что-то твердо-опредѣленное, кѣмъ-то свыше рѣшенное, и этому нужно было подчиниться, можетъ быть, до самаго конца жизни.

Сначала это подчиненіе, смиреніе своей необычностью и новизной, а потомъ даже такая мелочь, что обѣдъ подавался всегда ровно въ шесть, возмущала, какъ грубое насиліе.

До женитьбы Николай Петровичъ обѣдалъ, гдѣ и когда придется, и часто случалось такъ, что вмѣсто обѣда завтракалъ или только ужиналъ, а бывало и такъ, что совсѣмъ не приходилось ѣсть. Тогда это казалось непріятнымъ, и мечталось объ уютѣ и удобствѣ тихой семейной жизни. А теперь Николай Петровичъ вспоминалъ объ этомъ съ улыбкой и чувствовалъ, какъ мало удовлетворенія дало ему то, о чемъ мечталось.

Часто поднималась непонятная тревога, не радовали, а пугали своей неизбѣжностью домашній уютъ, заботы жены, однообразіе ровнаго хода жизни и нѣмая покорность ему...

Николай Петровичъ зналъ, что это совсѣмъ не то, чего хотѣлъ онъ до женитьбы, къ чему стремился отъ прежняго однообразія жизни—отъ спутной меблированной комнаты, отъ обѣдовъ въ михайловской столовой и въ грязныхъ ресторанахъ,—отъ всего, что пугало раньше и раздражало своей неизбѣжностью.

Съ тѣхъ поръ, какъ женился, Николай Петровичъ чувствовалъ себя порабощеннымъ, связаннымъ, точно упалъ въ пропасть, и то, что до женитьбы радовало и манило неясными обѣщаніями, оказалось потомъ непріятнымъ и даже мучительнымъ.

Часто въ послѣднее время приходило на умъ привычное слово «обывательщина», и ясно было Николаю Петровичу, что все, тѣмъ живетъ теперь онъ, и есть та самая обывательщина, надъ которой раньше смѣялся онъ. Хотѣлось отойти отъ нея, скрыться, уйти къ прежнему—безпокойному, неряшливому, тѣмъ жилъ онъ до женитьбы. И Елена Васильевна казалась чужой, ненужной, странной въ своихъ маленькихъ заботахъ и хлопотахъ, въ стараніяхъ создать и поддержать тотъ уютъ, который раньше, до женитьбы, манилъ Николая Петровича, а теперь раздражалъ и вызывалъ мысль объ обывательщинѣ.

Угрюмо и недовольно съ непонятной для самого себя враждебностью сталъ онъ присматриваться къ женѣ, къ тихимъ спокойнымъ движеніямъ ея, къ тому, какъ увѣренно укладываетъ она свою и его жизнь, точно въ ящикъ, глубокій замкнутый ящикъ, изъ котораго трудно выбраться на свободу.

Простая и нѣжная Елена Васильевна, нетребовательная, любящая и вѣрная. Но присматривался къ ней Николай Петровичъ и выискивалъ и находилъ только непріятное, раздражавшее, вызывавшее тоску и досаду.

Какъ-то онъ заметилъ, что она ничего не читаетъ и сказалъ объ этомъ, а на другой день увидѣлъ ее съ книгой, и, когда подошелъ и посмотрѣлъ,—сморщился, какъ отъ боли.:

— Что это?

— Романъ. Приложеніе къ «Свѣту».

Непонятно было Николаю Петровичу, что больше раздосадовало его: то-ли, что она читала романъ «Свѣта» или то, что она такъ покорна желаніямъ и словамъ его. Лучше-бы она сказала, что не хочетъ и не будетъ читать только потому, что онъ заговорилъ объ этомъ.

Кажется, съ этого-то и началось, это-то и навело на мысль, что, въ сущности, совсѣмъ онъ не любитъ жену, что нѣтъ ничего общаго между ними, и только случайность связала ихъ, создала то, что называется семейной жизнью и что казалось теперь непріятнымъ и мучительнымъ.

Каждый новый день отдалялъ Николая Петровича отъ жены все больше, больше, и сильнѣе крѣпла мысль, что нужно отойти другъ отъ друга. Но не было рѣшимости сказать объ этомъ, разорвать совсѣмъ ненужную связь. Что-то сдерживало, и неясное смущеніе останавливало самое рѣшительное желаніе. Мягкая улыбка жены, тихія движенія, покорный взглядъ открытыхъ наивно-нѣжныхъ глазъ смиряли и раздражали, вызывали желаніе все сказать, закричать грубыми оскорбительными словами и останавливали непонятнымъ страхомъ.

Но и безъ словъ Елена Васильевна чувствовала, что оборвалось что-то въ тихой, уютной жизни, которую настойчиво складывала она, какъ каменщики кирпичи кладутъ ровными рядами, чтобы выстроить домъ. Раньше была надежда и увѣренность, что она строитъ тихую, подчиненную уюту жизнь, но вотъ оборвалась надежда, и укололо сердце злое предчувствіе и смутная догадка.

Огоньками тревоги и смущенія вспыхивали глаза. Что-то робкое и покорное сдавило блѣдное лицо.

Елена Васильевна похудѣла, вытянулась и на гдѣ нашла на мужа украдкой изъ за книги или изъ за платка, какъ собака, которую вотъ-вотъ ударятъ.

Часто она плакала и, когда Николай Петровичъ видѣлъ покраснѣвшіе отъ скрытыхъ слезъ глаза, отворачивался съ досадой, уходилъ въ другую комнату или совсѣмъ выходилъ изъ дома.

Сказать о томъ, о чемъ нужно было сказать, такъ и не рѣшался онъ, а говорить объ обычномъ, повторять то, что говорилъ со дня женитьбы, было противно. Поэтому онъ совсѣмъ пересталъ разговаривать съ женой, нарочно старался приходить домой поздно и даже тогда, когда негдѣ было бывать, просто, ходилъ изъ улицы въ улицу только бы не приходить домой и не видѣть жену.

Такъ и тянулось это странное, новое, что вошло въ тихую семейную жизнь незамѣтно и неожиданно, не могло теперь исчезнуть и настойчиво требовало какого-то конца, который долженъ притти, все разъяснить, распутать узелъ, разорвать не нужную, угнетавшую связь, освободить Николая Петровича и Елену Васильевну другъ отъ друга.

* * *

Пришелъ этотъ конецъ тогда, когда заболѣла Елена Васильевна.

Можетъ быть, такъ и тянулось-бы все долго долго, еслибы не болѣзнь ея. А заболѣла она, вѣроятно, отъ того, что печалью и тоской, страданіемъ и тяжестью сдавилась жизнь ея. Все было легко, просто и понятно, и вдругъ тѣмъ то новымъ, тяжелымъ и непріятнымъ заполнилось сознаніе.

Съ этого и началась болѣзнь Елены Васильевны.

Даже неизвѣстно было, чѣмъ именно больна она, и докторъ, каждый день внимательно выслушивавшій и осматривавшій, не могъ сказать ничего опредѣленнаго. Сначала онъ прописывалъ какіе-то порошки и желѣзо, а потомъ сказалъ:

— Лучше всего вамъ отправиться куда-нибудь на югъ. Солнце, здоровый воздухъ—лучшія лекарства... Тамъ теперь хорошо... Здѣсь же вы, просто, таете. Поѣзжайте и поправьтесь.

— Скажите, докторъ,—спросилъ Николай Петровичъ—съ ней что-нибудь серьезное.

— Да нѣтъ... Ничего особеннаго нѣтъ... Во всякомъ случаѣ, не безпокойтесь... Поправится и будетъ молодцомъ...

Вѣроятно, всегда докторъ говорилъ такъ, когда спрашивали его близкіе больному люди. Онъ старался успокоить, даже обмануть и не понималъ, что иногда не радовалъ своими отвѣтами, что многіе хотѣли бы услышать совсѣмъ не то, что говорилъ онъ, а совсѣмъ другое.

Николай Петровичъ боялся признаться, что хотѣлъ-бы смерти жены больше, чѣмъ выздоровленія, такъ какъ, еслибы умерла она,—просто и естественно закончилось-бы то, что давило своей тяжестью, о чемъ трудно было сказать, что висѣло въ воздухѣ, какъ угроза, какъ постоянное напоминаніе о непріятной ошибкѣ: странной, совсѣмъ ненужной женитьбѣ.

То, что женѣ нужно было уѣхать въ Крымъ, обрадовало его, какъ первый шагъ къ избавленію.

Онъ уговаривалъ Елену Васильевну скорѣе уѣхать и, самъ удивляясь и не понимая, сталъ нѣжнымъ и участливымъ, а, когда она уѣхала, почувствовалъ, что ушала куда-то тяжесть, давно давившая его. Похоже было, что вновь онъ холостой, а то, что называлъ онъ женитьбой, въ сущности, только маленькая случайная связь, которая тянулась, тянулась и вотъ оборвалась теперь и никогда не возобновится.

Въ тотъ же день, когда Елена Васильевна уѣхала, Николай Петровичъ пошелъ въ ресторанъ, въ которомъ бывалъ до женитьбы, возобновилъ старыя знакомства, встрѣтился съ пріятелями, съ которыми давно не видѣлся и легко чувствовалъ себя, какъ свободный отъ всякихъ обязательствъ, отъ необходимости обѣдать непремѣнно въ шесть и подчиняться разнымъ другимъ условностямъ семейной жизни.

Теперь онъ и дома чувствовалъ себя легко и свободно. Другими, обновленными и свѣтлыми казались комнаты, обои, мебель, все, что еще недавно смущало своей неизбѣжностью.

Нѣсколько дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ уѣхала жена, а Николаю Петровичу казалось, давно-давно было, когда онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ и провожалъ на вокзалѣ.

Быстро уходило изъ памяти лицо Елены Васильевны, разсѣивались и исчезали отрывки непріятныхъ воспоминаній, и, какъ о чужой, думалъ Николай Петровичъ о женѣ. Казалось, такъ и закончится все: уѣхала она и никогда не пріѣдетъ, вышла изъ памяти и не вернется, была ошибка—совсѣмъ ненужная, неинтересная женитьба и вотъ нѣтъ ея.

Но опять все воскресло въ сознаніи, всколыхнуло непріятное, тяжелое, когда Николай Петровичъ получилъ письмо отъ жены.

Неровными строчками, прыгающими буквами чернѣлъ маленькій листокъ бумаги. Николай Петровичъ не хотѣлъ читать, отложилъ до вечера, потомъ до утра, а, когда прочиталъ, наконецъ, почувствовалъ и понялъ, что, если онъ сейчасъ-же не напишетъ о томъ, о чемъ такъ и не рѣшился сказать,—опять вспыхнетъ, захватитъ и не отпуститъ никогда все, что угнетало его съ тѣхъ поръ, какъ женился онъ.

Елена Васильевна писала, что чувствуетъ себя гораздо лучше, что соскучилась, и въ каждой строчкѣ, въ каждомъ словѣ была надежда и увѣренность, что выздоровѣетъ она, пріѣдетъ, и опять начнется тихая, уютная жизнь, которую старательно и любовно, точно въ ящикъ—глубокій, тѣсный ящикъ, укладывала она.

Торопясь и волнуясь, Николай Петровичъ читалъ письмо жены и также торопливо сталъ писать отвѣтъ.

Крупными размашистыми словами набрасывалъ онъ то, что давно думалъ, подбиралъ сухія ясныя твердыя, не допускавшія сомнѣній слова. Все письмо было наполнено мыслью, что жить вмѣстѣ дольше нельзя, что нѣтъ необходимой для этого любви, что надо разойтись, и убѣдительнымъ, пріятнымъ и неизбѣжнымъ казалось Николаю Петровичу слово «разводъ», которое нѣсколько разъ повторилъ онъ.

* * *

Многое понимала Елена Васильевна, о многомъ догадывалась, ко всему готова была, такъ какъ давно не стало для нея радостныхъ ожиданій, и, все таки, какъ камень тяжелый, упало на нее письмо мужа.

Еще не вскрывая конверта, она почувствовала, что надвинулось неизбѣжное, пришелъ конецъ для любви ея, а, когда прочитала первыя строчки письма, сухія, мало-понятныя фразы, въ чемъ-то старавшіяся убѣдить ее, заплакала, стиснула руки, закашлялась и не могла и не хотѣла читать дальше.

Да и къ чему читать?!

Развѣ не ясно, что оборвалось то, что еще недавно, какъ будто, связывало, какъ будто что-то обѣщало? Развѣ можно вернуть невозвратное?! Развѣ можно воскресить умершее?!

Елена Васильевна хотѣла сейчасъ-же написать мужу, о чемъ-то просить, въ чемъ-то убѣдить, но не было силъ подняться, двинуть рукой, и отчаяніе заполнило сердце тверлой упругой волной.

Только вчера казалось, что совсѣмъ выздоровѣла, и вдругъ погасли огоньки надежды, и подчинились душа и тѣло слабости и безсилію.

Не радовало ясное южное солнце, неубѣдительными казались слова доктора, увѣряющаго, что скоро настанетъ полное выздоровленіе, и упрямо подползало злое предчувствіе смерти.

Страшно стало оставаться въ Крыму, и мысль о томъ, что нужно скорѣе уѣхать, какъ будто, можно еще было что-то спасти изъ прошлаго, такъ упорно колотилась и требовала, что трудно было сдержать ее.

«Нужно ѣхать!... Нужно ѣхать!».только объ этомъ и думала Елена Васильевна, только этого и хотѣла.

Напрасно старался докторъ убѣдить ее, какъ вредно ѣхать теперь, когда она не окрѣпла отъ нережитаго, когда нужно пользоваться селитцемъ, чистымъ южнымъ воздухомъ, а не дышать болотными испареніями сѣвера. На всѣ слова, на всѣ убѣжденія она отвѣчала упрямо и твердо:

— Я поѣду... Я поѣду...

Отъ волненія, отъ слезъ, отъ того, что ничего не ѣла, Елена Васильевна за два дня послѣ того, какъ получила письмо, ослабѣла еще больше, съ трудомъ могла двигаться и, все-таки, не отходила упрямая мысль: «нужно ѣхать... нужно ѣхать»...

Елена Васильевна выѣхала въ четвергъ на Страстной—совсѣмъ больная, едва держащаяся на ногахъ и передъ отъѣздомъ послала мужу телеграмму:

«Выѣзжаю. Встрѣчай субботу».

Только тогда, когда вошла въ вагонъ, она поняла, какъ странно то, что она дѣлаетъ, какъ странно, что она ѣдетъ къ мужу и посылаетъ ему телеграмму, а онъ просто и опредѣленно написалъ ей, что не любитъ ее и хочетъ развестись съ ней.

«Разводъ... Разводъ»...—мысленно повторяла Елена Васильевна, точно тепер, только узнала это слово, и сильно и грубо ударяло оно и приносило боль.

Для чего-же ѣхать?! Къ чему эта телеграмма, да и придетъ ли мужъ встрѣтить? Какъ войти теперь въ домъ, гдѣ мужъ, который не любитъ и одного только хочетъ: развода?!

Необычно-короткимъ, новымъ, трудно-произносимымъ казалось странное слово «разводъ». Какое-то особенное оно, и моментами трудно понять, что, собственно, значитъ оно. Что такое разводъ?! Почему?! Для чего?! Какъ случилось, что появилось оно, всплыло изъ глубины, тревожитъ теперь, волнуетъ, говоритъ о чемъ-то страшномъ, о чемъ раньше никогда не думалось?!

Въ тѣсномъ вагонѣ еще тѣснѣе стало отъ упрямо колотившихся безпокойныхъ мыслей. Болѣла голова, безсильнымъ было тѣло. Три дня казались вѣчностью, а дорога туда, къ мукѣ—дорогой къ смерти.

Въ послѣдній день Елена Васильевна могла только лежать, и всѣ въ вагонѣ боялись: вотъ-вотъ умретъ она.

«Только-бы доѣхать, только бы доѣхать!...— думала она и по тому, какъ смотрѣли на нее, что говорили о ней въ вагонѣ, знала, что къ смерти ведетъ ее путь ея. Но не отставали надежды неясныя, не отходило желаніе скорѣе пріѣхать, увидѣть мужа, что-то сказать, какъ будто, можно еще было вернуть невозвратное и воскресить умершее.

Все выше поднимается и сильнѣе безпокоитъ тревожное ожиданіе. А когда поѣздъ врѣзался въ платформу и остановился, когда гулъ голосовъ острой тревогой радости и волненія закоылался въ вагонѣ и на платформѣ, Елена Васильевна почувствовала, что падаетъ въ пропасть, что не можетъ встать, двинуться, что, если еще продлится моментъ ожиданія, она не въ состояніи будетъ выйти изъ вагона, упадетъ и умретъ отъ безпокойства, отъ безсилія.

* * *

Когда Николай Петровичъ вошелъ въ вагонъ и замѣтилъ безсильныя попытки жены встать, увидѣлъ желтое съ упавшими глазами лицо, онъ почувствовалъ дыханіе смерти, и жалость къ женѣ задѣла сердце.

Онъ приготовился встрѣтить жену сухо и недовольно, хотѣлъ сказать, что напрасно пріѣхала она, а вмѣсто этого подошелъ къ ней, обнялъ и, когда она потянулась къ нему безмолвными губами, поцѣловалъ ее долгимъ поцѣлуемъ и подумалъ: «такъ цѣлуютъ покойника».

Удивленно-радостно взглянула на него Елена Васильевна и тихо сказала:

— Я соскучилась... Я не могу... Я не могу...

Отъ слезъ, отъ радостнаго волненія она ничего не могла сказать, и Николай Петровичъ подняла ее, какъ ребенка и вынесъ изъ вагона.

И тогда, когда ѣхали съ вокзала, былъ онъ нѣжный и участливый, и вспоминала Елена Васильевна, что такъ-же было, когда они ѣхали послѣ свадьбы изъ церкви.

Не вѣрилось, что было письмо съ требованіемъ развода. не хотѣлось думать о болѣзни, о томъ, что, можетъ быть, близко подкралась злая смерть. Свѣтлой радостью покрывалось сердце, и улыбка нѣжная взрагивала на губахъ.

И дома, когда пріѣхали, и Елена Васильевна легла въ уютной маленькой спальнѣ, куда-то ушла, исчезла, точно растаяла, тревога, безпокоившая съ тѣхъ поръ, какъ замѣтила она перемѣну въ отношеніяхъ мужа.

Почти не отходилъ онъ, и непонятно было, что-же произошло, почему и зачѣмъ она уѣзжала, откуда появилось странное слово «разводъ». Да и было-ли оно?! Не выдумала-ли его больная встревоженная мысль?!

Хотѣлось спросить, выяснить, и не было рѣшимости, точно страшно: только скажетъ и вспыхнувшая нежданно радость погаснетъ отъ сухихъ грубыхъ словъ мужа, такихъ же, какія писалъ онъ въ письмѣ о разводѣ.

Необычно проходилъ день и, сумрачный отъ тумана и тусклаго неба, мышьимъ и радостнымъ казался отъ близости мужа, отъ того, что былъ онъ нѣжнымъ и участливымъ.

Такъ-бы и жить, такъ-бы и жить! Долго, долго!.. Выздоровѣть бы скорѣе и начать опять прежнюю тихую жизнь.

Казалось даже Еленѣ Васильевнѣ, совсѣмъ не больна она, и мысль о смерти отходила, какъ ненужная, таяла и смирялась передъ желаніемъ: жить, жить!!

Хотѣлось сейчасъ же встать, пойти по комнатамъ, весело засмѣяться, сказать мужу о любви своей и услышать опять то, что говорилъ онъ въ первые дни послѣ свадьбы.

Такъ хотѣла Елена Васильевна, такъ вѣрила и не понимала, что напрасны мечты и надежды, что близко-близко подошла смерть.

Николай Петровичъ смотрѣлъ на жену и ясно чувствовалъ, что короткое мгновеніе отдѣляетъ ее отъ смерти. Было жалко ее, и нѣжность къ ней, создавшая жалость, казалась ему любовью. Но когда онъ ближе приматривался къ своимъ чувствамъ, понятно было, что нѣтъ любви, а колыхалась, неосязаемая, точно скрываемая отъ самого себя, радость—радость отъ мысли, что умретъ жена и освободитъ его и себя отъ того тяжелаго, что нужно было сдѣлать, о чемъ писалъ онъ ей—отъ развода.

Иногда невѣрственно скользила другая мысль: «а, если она не умретъ?», и такое опущеніе было у Николая Петровича, точно падаетъ онъ и не можетъ удержаться. Было страшно думать: «что-же, дѣлать, если, дѣйствительно, не умретъ жена?», и плохо и неясно представлялъ онъ: вотъ—вотъ умретъ она.

* * *

Къ вечеру Еленѣ Васильевнѣ стало хуже.

Она была въ жару, безпорядочно размахивала руками, хотѣла встать и слабо задвигала ногами. Что-говорила, но ничего нельзя было понять, и съ трудомъ различалъ Николай Петровичъ слова: «разводъ... Я не хочу.... разводъ»..

Онъ чувствовалъ себя виноватымъ, низко склонился къ лицу жены, успокаивалъ ее простыми нѣжными словами и самъ не зналъ сейчасъ, любитъ-ли ее или хочетъ, чтобы умерла она.

Пришелъ докторъ, прикоснулся къ рукѣ Елены Васильевны, всмотрѣлся въ лицо и тихо сказалъ:

— Напрасно она пріѣхала.

— Развѣ,—съ трудомъ выговорилъ Николай Петровичъ и по лицу доктора понялъ, что сегодня жена умретъ.

Что-то прописалъ докторъ, покачалъ головой и ушелъ.

Послѣ лекарства, насильно влитаго въ неподвижный ротъ, Елена Васильевна успокоилась, вспыхнула оживленіемъ, открыла глаза и близко запянула въ лицо мужа.

Такимъ настойчивымъ, упрямо спрашивающимъ былъ взглядъ ея, что смутился Николай Петровичъ и отвернулся.

— Скажи мнѣ,—тихо спросила Елена Васильевна—ты не любишь меня?

— Что?..—точно не понялъ Николай Петровичъ.

— Ты не любишь меня... Ты хочешь, чтобы я умерла.

— Что ты?! Что ты говоришь?!

— Ты хочешь развестись.. Ты хочешь развода... Да?!... Да?!..

— Что ты, милая?!.. Какой разводъ?!... Зачѣмъ?!... Вѣдь, я люблю тебя....

Николай Петровичъ близко склонился смущеннымъ лицомъ къ женѣ, и, самъ не зная, правда или ложь въ словахъ его, громко и заволнованно повторилъ:

— Вѣдь, я люблю тебя... Я пошутилъ.. Я нарочно написалъ.... Я люблю тебя... Люблю.

— Любишь?!—вскрикнула Елена Васильевна и, безсильная отъ волненія, откинулась на подушку.

Была радость въ глазахъ, въ мягкой улыбкѣ, въ порывистыхъ движеніяхъ рукъ.

Измѣнилось лицо, и, присмотрѣвшись къ женѣ, Николай Петровичъ подумалъ: «а, вѣдь, она красивая».

С. СЕМЕНОВЪ-ВОЛЖСКІЙ.

ПАНИ ЗОСЯ.

(Разсказъ ПЕССИМИСТА).

Гущинъ сбился съ пути, не выполнилъ порученія, и ѣхалъ шагомъ, наугадъ, въ ранѣемъ сумракѣ холодной ночи. Сзади трясся Ипатьевъ и часто вздыхалъ, что то бормота въ отвѣтъ на свои однообразныя солдатскія мысли.

Сумерки пабѣгали крадучись, какъ врагъ, бросая неясныя тѣни, окутывая поля тревожнымъ и загадочнымъ сномъ. Вдали горѣло зарево, неугасимый костеръ войны и разрушеній.

Гущинъ то дремалъ, опустивъ поводья, то вглядывался въ опасную темноту, прислушиваясь къ смутнымъ шорохамъ вѣтра. И мысли его словно тоже потеряли дорогу, и устало кружились наугадъ, въ полумракѣ...

Гущинъ закрылъ глаза и ему казалось, что онъ всю жизнь ѣдетъ вотъ такъ, среди враждебныхъ осеннихъ полей, видя предъ собой это далекое зарево. Никогда, никогда не было на землѣ ничего, кромѣ этого. Москва, голубое сіяніе на улицахъ, вечерній чай, театры; прелестная, слабая улыбка Нины—все это показалось ему далекимъ, страннымъ, наивнымъ сномъ.....

Лошадь тронула голый придорожный кустъ, вздрогнула и Гущинъ открылъ глаза.

Было все тоже—мракъ, далекое зарево, неизвѣстность...

На потемнѣвшемъ небѣ дрожала и грезила звѣзда.

— Милая,—подумалъ Гущинъ, сквозь дрему, съ странной нѣжностью, сливая ея слабое голубое мерцаніе съ улыбкой Нины. И эта вѣчная звѣзда показалась ему изгнанницей на небѣ, опаленномъ зарницами...

Тихо чавкали подковы по влажной землѣ. За каждымъ кустомъ таилось неизвѣстное.

— Ваше благородіе.... — негромко, но какъ-то особенно мягко и стыдливо сказалъ Ипатьевъ.

— Ну....—лѣниво отозвался Гущинъ.

— Ваше благородіе.... а бабу-то мою... Авдотьей звать.....

Гущинъ не удивился.

— Авдотьей?—почему то переспросилъ онъ.

Изъ полудремы возникло передъ нимъ лицо этой Авдотьи, которую онъ никогда не видѣлъ—простая русоволосая, курносая баба съ узенькими, лукавыми теплыми глазами; русская баба, солдатка, отъ которой пахнетъ землей и печенымъ хлѣбомъ и для которой этотъ вотъ бородатый запасный Ипатьевъ—милѣе всѣхъ радостей земли.

— Авдотьей, значитъ, звать,—снова повторилъ Ипатьевъ и вздохнулъ—баба, которая, скажемъ безъ мужа.... Такъ что убить на войнѣ всегда могутъ.....

Видимо ему было жаль Авдотьи и томила эта звонкая, опасная тишина бездорожья.

— А мою невѣсту зовутъ Ниной,—просто и серьезно отвѣтилъ Гущинъ.

— Нинной, значитъ.... понимаю,—сердечно, даже какъ то радостно подхватилъ Ипатьевъ.

И стало еще тише, но въ темнотѣ, невидимая, какъ тайный лучъ, протянулась свѣтлая, теплая нить между сердцемъ Гущина и запаснымъ солдатомъ Ипатьевымъ....

И опять молчаніе, чавканье копытъ, зарево, полусонныя грезы, вздохи Ипатьева, усталость, одинокая звѣзда....

— Ваше благородіе,—вдругъ встрепенулся солдатикъ,—никакъ собака залаяла.....

Гущинъ прислушался: ни звука въ влажномъ мракѣ полей.

— Померещилось—махнулъ онъ рукой,—какія тутъ собаки?

— Да собака же!—оживился Ипатьевъ,—я, ваше благородіе: по деревенскому дѣлу, ихъ за версту чую.... а вотъ и огонекъ!

В самомъ дѣлѣ, впереди тонко и трепетно мигалъ огонекъ.

— Жилье, люди!

Гущинъ потянулся усталымъ, одеревенѣвшимъ тѣломъ,—постель, тепло, глотокъ горячаго чая—да это счастье, радость, мечта!

Слабо, какъ свѣча, на погребальномъ покровѣ ночи, мерцалъ невѣдомый, заманчивый огонекъ.....

II.

Когда приблизились къ огоньку, увидѣли ограду парка и темную громаду усадьбы за нимъ. Огонь горѣлъ гдѣ то въ верхнемъ окнѣ...

Широкой аллеей, мимо молчаливой стражи голыхъ деревьевъ, проѣхали темный, таинственный паркъ, и остановились у желѣзныхъ воротъ.

Этотъ паркъ, тревожное, шептаніе вѣтра, безлюдье, замокъ, внезапно возникшій въ ночи—все это было, какъ въ жуткой, заманчивой сказкѣ.

— Должно имѣніе..... польское.....—сказалъ Ипатьевъ ночнымъ хриплымъ голосомъ и громко забарабанилъ въ ворота.

— Отворяйте, свои!

Онъ прислушался, отвѣта не было, еще разъ постучалъ, потомъ толкнулъ желѣзную калитку—она отворилась....

Гдѣ то въ глубинѣ двора зарычала собака, и стихло.

— И ворота не на запорѣ—удивился Ипатьевъ,—экая темь.. да и людей никого..

Онъ отлянулся на Гущина:

— Не повернуть ли, ваше благородіе?..

Гущинъ слѣзъ съ лошади.

— Нѣтъ, пойдемъ, сказалъ онъ,—можетъ и люди есть, да боятся. Привяжи-ка коней.

Онъ осмотрѣлъ револьверъ и ручной фонарикъ, пока Ипатьевъ привязывалъ лошадей къ дереву.

Огонекъ въ верхнемъ окнѣ странаго дома звалъ попрежнему.

Они осторожно вошли во дворъ, собака гдѣ-то въ глубинѣ лязгала цѣпью и жалобно, хрипло рычала. И больше ни звука, ни тѣни въ загадочной усадьбѣ.

Гущинъ прошелъ мимо пустыхъ клумбъ съ мраморнымъ бассейномъ и фонтаномъ, и, освѣщая путь фонарикомъ, тронулъ стеклянную дверь терассы.

— Эй, эй, кто тутъ живъ человѣкъ—крикнулъ Ипатьевъ въ темноту, и самъ испугался и не узналъ своего голоса.

— Эй, эй!!...

Эхо раскололо крикъ солдата на мелкіе, странно-звенящіе осколки: и снова густое, неподвижное молчаніе, лязгъ и вой собаки...

— А собака-то голодная — озабоченно бормоталъ Ипатьевъ,—въ голосѣ слыхать....

Гущинъ, сжавъ брови, думалъ: идти, или не идти въ этотъ домъ, объѣнный мракомъ, молчаніемъ, тайной, можетъ быть, полный неожиданныхъ опасностей и преступленій.

Онъ взглянулъ наверхъ; огонекъ горѣлъ, звалъ.....

Гущинъ рѣшительно открылъ дверь терассы, она мелодично и жалобно зазвенѣла, и это пѣніе стекла было похоже на слабый стонъ.....

— Господи, спаси и помилуй!—испуганно вскрикнулъ Ипатьевъ, и перекрестился.

Во мракѣ, у подножія широкой мраморной лѣстницы, неясно мерцала, преграждая имъ путь, бѣлая обнаженная фигура....

Гущинъ освѣтилъ ее фонарикомъ: это была статуя Діаны, повергенная на землю съ переломленной грудью. Бѣлыя, слѣпыя глаза богини странно, въ упоръ смотрѣли на Гущина, и въ темнотѣ казалось, что вокругъ ея прекрасныхъ, неподвижныхъ губъ змѣится горькая непонятная улыбка....

Ипатьевъ продолжалъ креститься и бормотать.

— Тише!—шопотомъ приказалъ Гущинъ,—чего испугался—статуя!

— Слушаюсь,—тоже шопотомъ отвѣтилъ солдатъ, и снова незамѣтно перекрестился въ темнотѣ.

Домъ молчалъ, ревниво храня свою тайну.

Офицеръ и солдатъ осторожно поднимались по роскошной лѣстницѣ, мимо статуй, картинъ и бронзы, молчаливо и загадочно выступавшихъ изъ мрака, навстрѣчу незваннымъ гостямъ.

Когда легкій лучъ фонарика достигалъ потолка и стѣнъ, онъ освѣщалъ на мигъ неясныя фигуры старинныхъ фресокъ, сказочные пейзажи и группы, можетъ быть шедевры великихъ, невѣдомыхъ мастеровъ.....

— Заколдованный замокъ,—думалъ Гущинъ, чутко слушая тишину,—не хватаетъ только прекрасной принцессы, усыпленной злымъ волшебникомъ и разбуженной моимъ поцѣлуемъ....

Ему стало весело отъ этого страннаго, ночного приключенія, напоминающаго прихотливую грезу, фантастическій юношескій сонъ. Возбужденный опасностью, молодостью, тайной, онъ смѣло вошелъ въ комнаты.

И снова молчаніе и роскошь дома поразили его.

— Что за чертовщина!—невольно прошепталъ онъ.

Ипатьевъ неловко шагалъ рядомъ, стараясь не стучать тяжелыми сапогами.

— И, вправду, ваше благородіе, не чертовщина-ли?—подхватилъ онъ, испуганно моргая бѣлыми бровями.

— Подъ огнемъ не страшно, а здѣсь... ваше благородіе!....

Гущинъ махнулъ на него рукой.

Они прошли рядъ комнатъ, рядъ великолѣпныхъ залъ и гостиныхъ съ драгоцѣнной старинной мебелью, не встрѣтивъ никого.

Легко было замѣтить, что здѣсь кто-то грубо хозяйничалъ: мебель частью была переломлена, перевернута, на полу валялись осколки, бутылки....

Гущинъ зорко и осторожно двигаясь среди этого блестательнаго разрушенія, думалъ о странной судьбѣ пограничнаго замка, пережившаго, вѣроятно, не одну войну и солдатскій набѣгъ. Можетъ быть здѣсь, въ этихъ прекрасныхъ залахъ жилъ когда-то Наполеонъ, и изящныя, церемонныя панны улыбались на балахъ блестящему штабу императора. Потомъ эти зеркала отражали другихъ вождей, и другіе мундиры; пестрая походная жизнь, мѣняя краски и лица, неустанно кипѣла въ старыхъ стѣнахъ польскаго замка.... И эти огромныя, темныя люстры—можетъ быть онѣ хранятъ еще въ своихъ хрустальныхъ снахъ воспоминанія о нѣжныхъ, старыхъ пѣсняхъ королевской Польши.....

Внезапно Гущинъ увидѣлъ впереди себя блѣднаго офицера съ странно—знакомымъ лицомъ и съ фон

Туда гдѣ клубится кровавый туманъ.

Разсказъ А. ЛОВЕНГАРДТА.

Молодой художникъ Ліановъ своими первыми произведеніями обратилъ на себя вниманіе знатоковъ произведеній живописи. Ему предсказывали блестящую будущность, и онъ, окрыленный успѣхомъ, съ особеннымъ рвеніемъ взялся за работу. Онъ расчитывалъ проработать все лѣто, къ осени повести въ Петроградъ, на открывающуюся тамъ выставку, нѣсколько крупныхъ работъ. Жилъ онъ въ это время въ родномъ городѣ. Тамъ же жила и его невѣста, Софія Весенина, между прочимъ прекрасная піанистка.

Ежедневно, по утрамъ онъ приходилъ къ ней, она его ждала прекрасная, нѣжная, точно сейчасъ рожденная расцвѣтающей весной.

Ліановъ при каждой встрѣчѣ съ ней чувствовалъ, что душа его расширяется и словно наполняется голубоватымъ сіяніемъ и даль чарующая сердце, дразнящая его роемъ несбыточныхъ надеждъ и видѣній, раскрывается передъ нимъ.

Первое время они сидѣли другъ противъ друга, изрѣдка обмѣниваясь короткими фразами. Несмотря на то, что Ліановъ уже болѣе двухъ лѣтъ былъ знакомъ со своей невѣстой, онъ сохранилъ въ своихъ возвышенныхъ отношеніяхъ къ ней стыдливость первыхъ встрѣчъ.

Всякій взглянувшій на нихъ въ это время рѣшилъ бы, что эти два существа лишь только вчера встрѣтились и сразу такъ беззавѣтно полюбили другъ друга. Послѣ первыхъ же мѣсяцевъ знакомства съ Весениной, Ліановъ почувствовалъ, что любитъ ее. Однажды во время встрѣчи съ нею, имъ овладѣла тревога, душу наполнила смутная боязнь потерять ее, навсегда разлучиться съ нею. Словно гдѣ то, въ безвѣстной выси, уже рѣшено было то, чего Ліановъ такъ боялся, и, когда онъ, очарованный ею, думалъ о красотѣ сіяющей въ мірѣ, о конечной побѣдѣ свѣтлаго сіяющаго Духа, Бога красоты, когда ему казалось, что душа его не снесетъ упавшаго въ нее, съ благоговѣніемъ несомаго ею, сокровища, въ это время волна печали набѣгала на нее и все выше подымалась и долго не уходила.

Въ эти минуты замѣчательно красивое, тонко очерченное лицо Ліанова становилось отуманеннымъ, голубые, переливающіеся блескомъ весенняго неба, глаза темнѣли и углублялись, а пышная льнная грива, какъ смоль красивыхъ волосъ, большими прядями спадала на его красивый лобъ, на которомъ углублялись морщинки глубокихъ, горестныхъ думъ. Онъ глядѣлъ на ея лицо, не отрывая отъ него своихъ глазъ, глядѣлъ, какъ на чудесное видѣніе, которое вотъ—вотъ сейчасъ исчезнетъ и съ нимъ исчезнетъ все, чѣмъ онъ жилъ.

Однажды, когда такое состояніе овладѣло Ліановымъ, Весенина сѣла близко возлѣ него и нѣжно провела своей маленькой красивой ручкой по его лбу и волосамъ и, называя его ласкающими именами, спрашивала о причинѣ внезапной грусти.

— Мнѣ что то вдругъ грустилось. Сразу стало что то тяжело, но это сейчасъ пройдетъ.

Онъ выпрямился, отбросивъ назадъ упавшіе на его лобъ волосы.

— Ты можетъ быть боленъ? Или въ твоей душѣ является предчувствіе чего нибудь тяжелаго, грозы, которая на насъ надвигается.

Ліановъ вздрогнулъ. Сердце у него сжалось, онъ постарался овладѣть собой, улыбнулся, но улыбка вышла грустной, въ глазахъ оставалась печаль. Въ эти глаза его, съ неизъяснимой любовью глядѣли большіе, черные, свѣтившіеся кроткимъ сіяньемъ звѣздъ, глаза Софіи. Душа его подъ вліяніемъ этого чарующаго взгляда, выронила тайну набѣжавшей на нее тревоги.

— Не знаю какъ назвать то состояніе, которое иногда овладѣваетъ моей душой. Игра ли это моихъ чувствительныхъ нервовъ, или предчувствіе. Внезапно вдругъ я чувствую въ сердцѣ тревожную тоску, душу наполняетъ боязнь навсегда разлучиться съ тобой. Отъ мысли о возможности этого, свѣтъ гаснетъ въ моихъ очахъ, даль вѣетъ на меня темной леденящей холодной пустотой.

— Это игра твоихъ чувствительныхъ нервовъ. Дорогой мой, не поддавайся имъ, не обращай вниманія на настроеніе, о которомъ говоришь и оно больше не явится.

Ея головка ближе склонилась къ нему, прядь ея замѣчательно красивыхъ волосъ коснулась его лба. Чувство священнаго благоговѣнія вошло въ душу Ліанова. Ему показалось святотатственнымъ то, что онъ близко сидитъ возлѣ Софіи и волосы ея касаются его лба. Въ порывѣ этого чувства онъ закрылъ на мигъ глаза, а когда открылъ ихъ, то увидѣлъ, что личико любимаго существа затуманилось грустью, голова скорбно поникла. Она показалась ему теперь ангеломъ, скорбящимъ о грѣшномъ мірѣ и тоскующимъ что покинутомъ небѣ. Въ ушахъ его, тихимъ, грустнымъ пѣніемъ, летающаго въ выси поднебесной, ангела, голосъ ея прозвучалъ:

— Мы никогда не потеряемъ другъ друга и даже смерть не можетъ насъ разлучить. Я не переживу тебя, а если я умру, то знаю, что для тебя въ этомъ мірѣ не будетъ жизни.

Голосъ ея тихо звучалъ въ ушахъ его и, казалось ему, несся изъ прекрасной дали. Она умолкла, какъ будто задумалась. Онъ сталъ цѣловать ея лобъ, такъ, какъ очень милыя дѣти, съ нѣжной чуткой душой, цѣлуютъ своихъ любимыхъ сестричекъ. Она отвѣчала ему тѣмиже стыдливыми поцѣлуями, но дѣтски положивъ на его плечи руку, потомъ взглядѣ ея упалъ на открытый рояль, на лежавшую на немъ раскрытую тетрадь.

— Когда мнѣ становилось грустно, когда я чувствовала въ душѣ, какъ отголосокъ пережитыхъ страданій, боль, я всегда подходила къ Бетховену и онъ говорилъ со мной звуками своей великой души и смирялъ тревогу въ моей душѣ и высоко уносилъ ее.

Она медленно продолжала гладить Ліанова по волосамъ, встала и безшумно, слегка рѣя, дошла къ роялю. Какъ всегда, когда она начинала играть, Ліановъ подошелъ къ станку, на которомъ видна была неоконченная картина и сталъ рисовать.

Въ этотъ день Весенина играла съ особеннымъ настроеніемъ. Ліановъ чувствовалъ, что ея душа взываетъ къ душѣ великаго композитора, поетъ и молитвенно плачетъ и звуки ея пѣнія сливаются съ звуками твореній Бетховена. Радостный, вдохновенный трепетъ пробѣгалъ по его душѣ. Звуки игры Весениной, подобно чарующимъ волнамъ, то вверхъ подымающимся, то въ глубь опускающимся, смыли съ души Ліанова вновь нарождавшуюся тревогу и увлекли въ даль возвышеннаго творчества. Въ этотъ день Ліановъ работалъ съ особенной любовью и домой вернулся въ особенномъ, давно не испытанномъ настроеніи.

Съ тѣхъ поръ прошло немного времени, настала вторая половина историческаго іюля 1914 г. Австрія, подстрекаемая Германіей, напала на Сербію, зная, что этимъ нападеніемъ она бросаетъ вызовъ Россіи. Въ этоже время Германія спѣшно передвигала свои войска на границы Франціи и Россіи.

Въ воздухѣ запахло пороховымъ дымомъ, почуялся отдаленный трескъ начавшагося европейскаго пожара. Утромъ, едва поднявшись съ постели, Ліановъ узналъ, что у насъ армія и флотъ объявлены на военномъ положеніи. Все населеніе города всколыхнулось и высыпало на улицы, по которымъ уже бѣжали продавцы, быстро расхватываемыхъ публикой, телеграммъ.

Словно изъ раскрывшейся страшной дали вылетѣлъ вихрь и ворвавшись въ городъ бушевалъ въ ушахъ и душахъ людей. Сразу Ліанову показалось, что комната, въ которой онъ прожилъ долгое время измѣнилась и стала другой.

И неузнаваемы стали всѣ предметы находящіеся въ ней, и куда то отодвинулись и задернулись туманомъ развѣшанныя вдоль стѣнъ, когда то съ большимъ подъемомъ, писанныя имъ картины.

Ліанова потянуло къ невѣстѣ.

Чувствуя, какъ душа его расширяется и трепещетъ отъ наполняющихъ ее переживаній, Ліановъ подходилъ къ дому, въ которомъ жила Весенина.

Какъ всегда онъ и теперь испытывалъ волнующую радость свиданія съ существомъ, которое было у него самымъ дорогимъ и близкимъ. Онъ вошелъ въ большой, широкій, усаженный старыми деревьями, дворъ и заглянулъ въ находящіяся въ концѣ его окна ея квартиры. Онѣ были раскрыты, но за ними никого не было видно. Вѣтерокъ налетѣлъ и колыхнулъ занавѣси. Шумъ собственныхъ шаговъ, какъ показалось Ліанову, какъ то необычайно прозвучалъ въ ушахъ его. Дворъ и деревья тоже представились другими, не такъ, какъ всегда золотилась подъ лучами солнца, зеленая листва. У входа въ квартиру невѣсты виднѣлось крыльцо, съ котораго спускались сѣровато-бѣлыя ступени.

По мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ нимъ, Ліановъ почувствовалъ грусть, повѣявшую отъ нихъ. Онъ остановился на мигъ и оглядѣлъ весь дворъ, его деревья и старые флигеля, на стеклахъ оконъ которыхъ играли лучи солнца. Приблизившись къ крыльцу, Ліановъ взбѣжалъ на него, торопливо прошелъ небольшой корридоръ и, остановившись у знакомыхъ дверей, позвонилъ.

Служанка, впустившая Ліанова въ квартиру, сказала ему, что Софія Весенина ушла къ подругѣ и скоро вернется. Ліановъ положилъ на стоявшій въ углу стулъ, шляпу, приблизился къ окну и сѣлъ въ кресло. Вскорѣ она показалась.

Полъ часа прошло съ тѣхъ поръ, какъ Ліановъ вошелъ въ комнату невѣсты, а ему казалось, что онъ давно находится въ ней. На минуту онъ подумалъ о томъ, что было бы съ нимъ, если бы она не вернулась къ нему, исчезла, какъ прекрасное видѣніе. И тотчасъ, какъ только онъ подумалъ объ этомъ, то почувствовалъ въ своей душѣ и вокругъ себя пустоту и такой страшной она ему показалась, что онъ закрылъ глаза. Онъ всталъ и прошелъ въ конецъ комнаты и вернувшись присѣлъ на подоконникъ, устремивъ свой взглядъ на ворота дома. Прошло еще немного времени и, наконецъ, она показалась.

Онъ весь встрепенулся и рванулся впередъ. Она вошла въ ворота съ опущенной головой, съ лицомъ покрытымъ скорбной тѣнью. Но вдругъ подняла голову, увидала его и радостно улыбнулась, лицо ея посвѣтлѣло.

Первыя слова, которыя сорвались съ ихъ устъ, были о войнѣ, о родинѣ, въ которую готовились ворваться вражескія полчища. Она чувствовала перемѣну происшедшую въ немъ, видѣла другое выраженіе въ его глазахъ и съ тревогой глядѣла на него, точно какая то властная сила склонилась надъ нимъ и готовилась унести его.

Взоръ Ліанова упалъ на рояль. Онъ стоялъ закрытый и чернѣлъ у стѣны и казалось, ему, что струны въ немъ оборвались и навсегда уже замолкли.

— Какъ мало времени прошло съ того дня, въ который ты играла мнѣ, что-бы разсѣять мою тревогу и я очарованный твоей игрой, твоимъ присутствіемъ, писалъ свою картину. Какъ расширялась и въ выси подымалась моя душа. Я шелъ въ эту даль чудесную и тебя я чувствовалъ возлѣ себя и ты вела меня въ нее. Къ ней я стремился въ лучшіе годы моей жизни, я ее видѣлъ въ грезахъ, въ мечтахъ; она дразнила меня роемъ несбыточныхъ надеждъ. Туманъ исчезъ, даль открылась передо мной такая прекрасная, какую я не видѣлъ въ мечтахъ и грезахъ. Вся красота ея, все величіе были въ тебѣ. Безъ тебя искра таланта мерцавшая въ моей душѣ погасла-бы, съ тобою она стала разгораться, превращаясь въ священное пламя. Оно озаряетъ другую страшную даль, въ которую несется море народное. Въ сдержанномъ шумѣ этого моря, въ пѣніи его волнъ я слышу стихійный зовъ и чувствую, что долженъ пойти на него, войти въ это море и, слившись съ нимъ, уйти въ страшную даль.

Онъ умолкъ на минуту. Въ этотъ моментъ взглядъ его встрѣтился со взглядомъ любимой дѣвушки, онъ былъ полонъ тревоги. Синева ея глазъ потемнѣла какъ темнѣетъ весеннее небо, когда солнце покидаетъ его, когда вечерній сумракъ покрываетъ его. Оно глядитъ покинутымъ, печальнымъ, безпомощно тоскующимъ.

Ея губы шевельнулись, какъ шевелятся лепестки расцвѣтающей розы, на которую налетѣлъ, цѣлуя ее, весенній вѣтерокъ.

Она положила свои руки ему на плечо и глядя на него съ невыразимой любовью и страданіемъ, заговорила:—«И я не узнаю тебя. Кошмаръ надвинувшейся войны давитъ душу. Еще такъ недавно я чувствовала себя въ храмѣ, который стоитъ посреди чудеснаго царства.

Онъ былъ залитъ неземными огнями, въ немъ пѣли ангелы и звучали небесныя сонаты. И вдругъ въ этомъ храмѣ огни погасли, звуки замолкли и тьма его закрыла. Проходя по улицѣ, я видѣла толпы людей призванныхъ на войну, глядя на нихъ, увидѣла ихъ близкихъ горюющихъ и тоскующихъ по нимъ. Мнѣ представилось, что на родину нашу надвигается заслоняя небо, громадное красное чудовище, душу охватило безумное желаніе, быть самой способной остановить его. Потомъ мною овладѣло желаніе пойти за ними въ страшную даль и всю себя отдать на утоленіе страданій раненыхъ и больныхъ воиновъ. Я подумала о тебѣ и мнѣ представилось, какъ мы оба съ тобой идемъ за ними, ты въ качествѣ брата милосердія, а я сестры. Міръ чудесныхъ грезъ и видѣній, міръ звуковъ слившихся съ звуками нашихъ душъ, открывавшихъ намъ небеса исчезъ, его испугало это чудовище».

Она взглянула на него, какъ всегда съ неизъяснимой любовью, сквозь которую теперь свѣтилось глубокое страданіе. Чувство благоговѣйной любви къ ней вдругъ рванулось въ душѣ Ліанова, и всю ее она залила теплыми трепещущими волнами.

Весенина, какъ ребенокъ обняла его правой рукой и нѣжно прижавшись къ нему, снова заговорила:

— Въ эту страшную даль уйдемъ мы съ тобой вмѣстѣ. Мы будемъ утолять страданіе больныхъ. Когда ты говорилъ сейчасъ о томъ, что рѣшилъ пойти съ ними, принять то страшное, что они примутъ, сердце у меня мучительно забилось. Я знаю, что ты далекъ отъ войны и мнѣ показалось, будто страшное чудовище, которое надвинулось на нашу страну, протягиваетъ къ тебѣ свои лапы, чтобы унести отъ меня».

Въ это время съ улицы къ нимъ донеслось пѣніе толпы запасныхъ. Тѣ же звуки и оттѣнки, которые слышалъ Ліановъ въ пѣніи запасныхъ, когда они проѣзжали мимо его дома, слышались имъ въ этомъ пѣніи и казалось ему, что это они теперь проходятъ. Онъ вздрогнулъ и выпрямившись повернулъ голову въ сторону открытаго окна.

Весенина опустила руку, которая обнимала его плечи и вмѣстѣ съ нимъ стала прислушиваться. Она принимала каждый звукъ этого пѣнія и изъ грубины ея души, въ отвѣтъ ему, неизъяснимая скорбь поднималась.

Ліановъ взглянулъ на нее такъ, какъ будто навсегда прощался съ нею и голосомъ, въ которомъ прозвучалъ трагизмъ жизни человѣческой, сказалъ:

— Слышишь, они меня зовутъ?!

Въ отвѣтъ Ліановъ услышалъ ея шопотъ, точно шопотъ незримаго ангела.

— Я съ тобой пойду «за ними, и если ты исчезнешь въ страшной дали, я исчезну съ тобой».

Страшная даль, въ которую шелъ Ліановъ теперь открылась передъ нимъ. Ворвалась его громовымъ грохотомъ орудій, хищно рокочущими и замиравшими вдали, какъ отдаленный ревъ разбушевавшагося моря, ружейными залпами, она встрѣтила его густымъ, точно изъ нѣдръ ада, взрывающимся кровавымъ туманомъ, окутаннымъ, клубами порохового дыма, она встрѣтила его стонами раненыхъ бойцовъ, торжествующими кликами побѣдителей.

О прошломъ онъ и не думалъ, его уже не было, было только это настоящее и будущее представлялось такимъ же.

Такъ начинались дни, и ночи проходили...

И только вдругъ во время одного тяжелаго быстраго перехода, въ дождливую прохладную ночь, на бивуакѣ подъ открытымъ небомъ, когда онъ, ожидая сигнала къ дальнѣйшему походу, боролся съ одолѣвавшей его дремотой, онъ увидѣлъ вставшій передъ нимъ образъ Весениной. Ея очи какъ звѣзды свѣтились во тьмѣ и были въ нихъ скорбь и неземная любовь къ нему. Всей своей очарованной, мучительно встрепенувшейся душой онъ рванулся къ ней. Душу его охватило желаніе, хоть минуту побыть съ ней, увидѣть черты ея лица, услышать звуки ея голоса. Она находилась въ тылу, въ полковомъ лазаретѣ и такъ близка была отъ него и такъ далека, что только, будучи раненымъ онъ могъ ее увидѣть.

Однажды послѣ одной крупной побѣды надъ австрійцами, когда они были выбиты изъ своихъ укрѣпленій и бѣжали, оставляя тысячи плѣнныхъ, орудія и боевыя запасы, Ліановъ замѣнивъ командира въ своей ротѣ лишившейся офицеровъ, совершилъ выдающійся подвигъ и былъ на полѣ брани произведенъ въ прапорщики.

По окончаніи сраженія, когда войскамъ былъ данъ кратковременный отдыхъ, онъ проходя по бивуаку, услышалъ разговоръ двухъ солдатъ. Одинъ изъ нихъ вернувшись изъ полкового лазарета легко раненый говорилъ другому, называя невѣсту Ліанова.

— Она, братъ, не сестра солдату, а ангелъ хранитель. Видѣлъ я въ лазаретѣ, какъ она стрѣлку нашего полка тяжело раненому перевязку сдѣлала, а тотъ какъ на святую глядѣлъ на нее и видно было про боль забылъ, у самого лицо такое свѣтлое, будто къ Богу отходитъ, а глазами, будто молится, глядитъ на нее и въ слезахъ они у него.

Ліановъ замеръ, прислушиваясь къ этому разговору. Солдатъ говорившій о ней становился ему особенно дорогимъ и близкимъ отъ мысли, что онъ видѣлъ ее и принесъ частицу того благоговѣйнаго отношенія къ ней, которое наполняло его душу.

Бой затихалъ, но ружейная и пушечная пальба и жуткій трескъ пулеметовъ еще врывался въ неподвижный, окутанный лѣтними сумерками, воздухъ. Разбитыя австрійскія войска спѣшно отступали, преслѣдуемыя нашими.

Ліановъ шелъ во главѣ роты и, вдругъ услышавъ окрикъ товарища, оглянулся.

— Смотрите, у васъ рукавъ на лѣвой рукѣ въ крови, вы ранены.

Ліановъ поднялъ руку и почувствовалъ, что она отяжелѣла и изъ подъ рукава ея стекаютъ тонкія струйки крови и кисть ея красна отъ крови, тутъ только онъ замѣтилъ, что раненъ, удивился, что не испытывалъ боли и продолжалъ идти. Вдругъ онъ повернулъ лицо въ лѣвую сторону и остановился передъ полемъ на которомъ не было слѣдовъ битвы. Ему представилось видѣніе. Противъ него, посреди пустыннаго поля, Христосъ стоялъ и держалъ за руку его невѣсту. Отъ лица его, отъ складокъ темной его одежды вѣяло неземной скорбью и ею проникались сумерки и по всему полю она разливалась и подымалась къ вечерѣющему небу.

Смотрите сюда, смотрите....

Ліановъ не договорилъ.

Вражеская пуля ударила его въ сердце. И холодная тьма смерти упала на его тѣло.

АНТОНЪ ЛОВЕНГАРДТЪ.

Въ Пасхальную ночь.

Изъ дневника О. ОСКОЛКОВОЙ.

.....Окрылось тамъ далеко за полями яркое, весеннее солнце; замолкли звонкіе голоса птичекъ и какъ будто замолкла и стала меньше замѣтной предпраздничная суета людей—бабъ и мужиковъ, не слыхать и звонкаго крика и плача ребятишекъ—деревня какъ-то выжидательно затихла. Спустилась темная ночь и тихо покрыла все воздушнымъ, чернымъ покрываломъ; и успокоившуюся въ ожиданіи деревню, и рѣчку, что перестала журчать и блестѣть, а тихо, какъ темносиняя лента, ползетъ и прячется въ гористые берега, покрытые соснами, далекія, черныя вспаханныя поля и церковь, что стоитъ на горѣ и кротко, сквозь тьму, глядитъ золотыми крестами на рѣчку, притаившуюся въ своихъ гористыхъ берегахъ, на деревню и на далекія, черныя поля... Все какъ будто ждетъ первой вѣсти, перваго благовѣста отъ этой бѣлѣющей во тьмѣ и засвѣтившейся уже огнями церкви и тишина, тишина: тихо идутъ люди въ церковь..., кое-гдѣ скрипнетъ колодцемъ—запоздавшіе въ предпраздничныхъ хлопотахъ хозяйка или —хозяинъ. Все ждетъ.... И вотъ пришла ожидаемая, великая вѣсть. Торжественно и гулко пронесся съ церковной колокольни въ темной весенней тишинѣ, первый благовѣстъ!.. Все проснулось, ожило; быстрѣе идутъ въ церковь и громче разговариваютъ разряженные люди; кажется трепетъ прошелъ по стоящимъ внизу, въ молитвенномъ ожиданіи лѣсамъ и сильнѣй закурили свой фиміамъ первые весенніе цвѣты и земля... Множествомъ огней засвѣтилась церковь и въ раскрытыя церковныя двери несется торжественно пасхальное пѣніе и запахъ ладона... Я иду, торопливо поднимаясь на гору. Ночь такая свѣтлая и ароматная. Хочется пройтись еще подальше; рѣшила сдѣлать крюкъ и пройти въ церковь дальнимъ путемъ, тамъ по склону горы, что за церковью. Хорошо какъ здѣсь!!! Не хуже чѣмъ тамъ, въ церкви, а небо такое глубокое и на его темной синевѣ, все гдѣ показались звѣздочки... точно купоулъ въ большомъ храмѣ!... Но, надо идти, обѣщала быть въ церкви. Вотъ поднимаюсь съ другой стороны склона, гдѣ близко проходитъ большая дорога и по обыкновенію, захотѣлось заглянуть въ придорожную избушку, посмотрѣть: тамъ ли старикъ, сторожъ и что онъ подѣлываетъ? У насъ съ нимъ хорошія отношенія и я всегда люблю съ нимъ поговорить о томъ о семъ, о жизни, о религіи, а онъ любитъ вспоминать свое прошлое житье—бытье, какъ ему жилось когда то хорошо и былъ онъ богатымъ и почетнымъ мужикомъ въ этой же самой деревнѣ.

...Заглядываю въ двери,—его нѣтъ тамъ, а передъ образкомъ въ углу горитъ лампада..., значитъ и онъ въ церковь ушелъ старый... Мое сердце невольно сжала мысль: какъ бѣдна и ветха эта избушка и какъ тяжело должно быть, коротать жизнь, послѣ богатства и почета въ этой бѣдной избушкѣ, да еще одному, подъ такой великій Праздникъ!?!...

А все кругомъ, какъ бы ликуетъ, радуется наступающему весеннему празднику. Во многихъ окнахъ по деревнѣ свѣтятся огни, церковь сверкаетъ и блеститъ. Скоро люди понесутъ освященныя пасхи и кулича домой и будутъ разговляться въ кругу семей и знакомыхъ, а этотъ «старичекъ» вернется одинъ въ свою одинокую избушку и будетъ тоже «разговляться чѣмъ Богъ послалъ»... Меня также ожидаютъ свой кругъ, своя семья... Нѣтъ, я не пойду къ нимъ... Нынче я съ ними не буду разговляться, имъ не будетъ особенно скучно, ихъ много... буду сегодня разговляться съ этимъ одинокимъ дѣдкой. Только надо скорѣе приготовить «Пасхальный столъ».

Бѣгу скорѣе домой уже не лѣсомъ, а большою дорогой, ближе; беру дома, наскоро кое-чего и тороплюсь опять къ избушкѣ, того и гляди, отойдетъ служба въ церкви, а мнѣ надо кое чего устроить... Вотъ я уже въ избушкѣ, какъ-то она мнѣ милѣе показалась и ближе... Накрываю столъ, онъ кое-какъ сколоченъ изъ досокъ, грязный, но я покрываю его чистою «газеткой» и онъ выглядитъ прилично... Кругомъ по склону, тамъ за избушкой много хвои и цвѣтковъ. Бѣгу туда съ пустой корзинкой и рву почти на ощупь цвѣты. Думаю,—вотъ хорошо будетъ теперь пахнуть въ избушкѣ, не однимъ табакомъ и дымомъ. Поставила корзину на лавку, поправила лампадку, чтобы свѣтлѣе горѣла и принялась скорѣе плести гирлянды, хвоя пачкаетъ руки и льнетъ, цвѣты рвутся и путаются, наскоро «убираю» ими божничку, образокъ и старую лампадку, обвила и столъ... Хорошо бы украсить и двери у избушки, да мало цвѣтовъ, не хватитъ. Захватываю корзину свою и спускаюсь опять за избушку, а лѣсъ тутъ и есть за полянкой стоитъ такой теплый, благоухающій и тихонько шумитъ.... Скоро кончится великая служба!.. Торопюсь обрывать цвѣты, какіе попало, и плача ногами скользятъ, держусь за сосенки.., нарвала, иду, поднимаюсь къ избушкѣ.... Сильно звонятъ въ колокола... Скорѣй бѣгу къ избушкѣ, а тамъ уже кто-то стоитъ въ дверяхъ;—это—старикъ—онъ вернулся отъ заутрени. Подошла,—онъ не замѣчаетъ меня, а стоитъ въ дверяхъ и плача шамкаетъ: «О, кто жъ це зробывъ... Дай тому Боже»..... Мнѣ неловко стало и досадно: не успѣла, вѣдь, окончить и въ церковь не сходила; не то не се..! Я говорю ему:

«Старый» чего-жъ—ты всталъ здѣсь?!

Онъ оборачивается и говоритъ:

Матушка моя, серденько!.. Такъ это жъ ты!!! Почто ты обо мнѣ журишся объ старомъ!?

Входимъ въ избушку. Старикъ садится на лавку. Сажусь и я, спрашивая:

— Что, дѣдко, усталъ?..

— «Ноги-то старыя»... Давайка разговляться; вѣдь проголодался?!. Онъ чего-то замялся и недоумѣвая уставился на меня, но тоже сказалъ: «Давай, давай, серденько! И перекрестившись на образъ, подвинулся къ столу; смотритъ на столъ, а самъ волнуется, говоритъ:

— Знай-же, серденько, Богъ не безъ милости, а свѣтъ не безъ добрыхъ людей... Только, вотъ гордость..., вредная она... вредитъ человѣку»; Якъ уже загордился человѣкъ,—світу онъ Божьяго не будетъ видѣть, а только себя»!...

Говоритъ, а у самого уже слезы текутъ изъ глазъ и бѣгутъ быстро, быстро, застрѣвая въ морщинахъ и сѣдой, всклоченной бородѣ. Мнѣ самой снова неловко стало, а къ горлу точно слезы подступили и давятъ....

— Колы бъ ты, ясонька, знала, въ якой я хатѣ встрѣчалъ праздникъ-то Христовъ!? «Да сколько у меня наймитовъ да наймичекъ кормилось да прислуживало, шамкаетъ старикъ.—Охъ, серденько, за гордость эту Господь меня и наказалъ; не хотѣлъ я, темный, да глупый человѣкъ дочку свою отдать за бѣднаго, за наймита своего-же, хотя и гарный онъ и смышленый былъ наймитъ и работящій»... Слюбились они».. А не захотѣла дочка становиться подъ вѣнецъ съ богатымъ женихомъ, и закипѣла во мнѣ злоба, да гордость эта, богацкая»...—прогналъ я дочку изъ дому въ чемъ была, безъ родительскаго благословенія. Охъ, загублена, моя голова, загублена!.. Гдѣ ты горе свое и ховаешь?!.. А втожъ серденько, было отъ такъ подъ Пасху.

Плачетъ навзрыдъ мой старикъ, а я уже не утѣшаю его и тоже глотаю слезы.

А онъ опять, продолжаетъ: «А наймита того обвинилъ я въ кражѣ»... Это подъ такой Праздникъ то, матушка, колы и самдѣлышнаго-то вора надо простить!... Охъ, ты жъ эка, гордыня — всѣмъ грѣхамъ начало!.. Въ острогъ я этого наймита засадилъ, чтобъ не позорилъ мою голову, мою жизнь богатую... И Богъ вѣдая, чи теперь живы они, чи ни..., вѣстей не бувало съ тѣхъ поръ»....

Слушаю я его разсказъ печальный и уже забыла гдѣ я, что пришла сюда разговляться, что дома ждутъ... Старичекъ же не вытираетъ больше слезъ и тоже, вѣроятно забылъ и о настоящемъ разговѣніи и о бѣдной этой избушкѣ, гдѣ онъ сторожемъ придорожнымъ... И, какъ то онъ разсказываетъ мнѣ о томъ,—какъ его «попуталъ лукавый», какъ забылъ онъ отъ гордыни подъ Пасху, Свѣтлый Праздникъ, и Бога и стыдъ, и жалость. И какъ черезъ то самое наказалъ его Господь,—отнялъ у него все житье богатое, да почетное и сытое....

— Пошли не порядки да нелады въ хозяйствѣ и бѣдность—вотъ она»!!!—старичекъ въ тоскѣ развелъ руками, точно показывая свою эту бѣдность,—«подошла она, матушка ты моя и не какъ-отъ нея отъ сумыто... не открестишься»...

Я уже встала, чтобы идти, слезы душатъ меня...

А старичекъ, всхлипывая, говоритъ мнѣ:

— А нонѣ, серденько мое, Того Господа Праздничекъ, который сказалъ намъ людямъ-то: «..Любите другъ друга»... Блажени кроткіе сердцемъ»... Отъ-кроткіе, а не гордые какимъ я то, дурный, былъ»!.. Я не могу больше... готова расплакаться сама и говорю:

— Ну-жъ, дѣдко, прощай, мнѣ пора, ждутъ... А вѣдь мы съ тобою, еще и не христосовались...—«Христосъ Воскресе!»..

Дѣдко мой говоритъ, улыбаясь.

«Воистину Онъ, матушка. Воскресъ!! и лѣзетъ ко мнѣ цѣловаться, а борода его вся мокрая отъ слезъ...!

Я хочу идти къ дверямъ,—онъ удерживаетъ меня, благословляя креститъ дрожащей своей рукою, говоря:

«За дочку свою... гдѣ-то она, горькая моя, въ чужихъ людяхъ въ наймичкахъ жила... Померла чи нѣтъ»?... «Вѣстей не бувало»..

Я на улицѣ; темная прохладная ночь ласково обнимаетъ лицо... Гдѣ-то тамъ далеко, далеко, внизу, за полями виднѣется свѣтлая полоска разсвѣта. За что-то мягкое ноги зацѣпились, я наклоняюсь—это цвѣты и хвоя, которыми я не успѣла обвить двери избушки, я не взяла ихъ... Точно острый кинжалъ мою душу пронзилъ какой-то укоръ и невольно подумалось:

— Что значитъ моя эта забота?!.. Развѣ кому помогла, чье горе облегчила»?!?... А слезы уже нельзя удержать...—«пусть льются.—невидать—темно!!! Вотъ совсѣмъ потемнѣвшая уже и съ погасшими огнями церковь.

О. ОСКОЛКОВА.

Завѣтный золотой.

Разсказъ А. ЧЕКЕТТИ.

Чудная, теплая весенняя ночь... Темное небо усѣяно тысячами звѣздъ. А здѣсь на землѣ всюду огонки, огонки, свѣтлые пасхальные огни...

Я стою у окна и вижу, какъ загораются, эти праздничныя яркія звѣздочки. То тутъ, то тамъ освѣтится скромный Божій храмъ. И несется со всѣхъ сторонъ гулъ колоколовъ... Торжественно прозвучалъ первый ударъ Ивана Великаго, а за нимъ и вся Москва огласилась тысячами голосовъ. Чудный торжественный звонъ, какъ хорошо, какъ легко отъ него на душѣ дѣлается...

Стою я охваченная этимъ моремъ звуковъ и огней, и мнѣ такъ хорошо и свѣтло на душѣ, только вдругъ въ глубинѣ души что то зашевелилось, къ горлу неожиданно подступили слезы, и мнѣ вспомнилась другая, далекая, темная пасхальная ночь, въ глухой провинціи. Это было давно. Мнѣ только что исполнилось восемнадц. лѣтъ и я, едва окончивъ гимназію, рѣшила жить самостоятельной жизнью, противъ убѣжденія моихъ родныхъ. Не смотря на слезы матери и протесты отца, я безповоротно рѣшила быть обязанной только себѣ, и, не долго раздумывая, взяла первое попавшееся мѣсто сельской учительницы, въ глухую Пермскую губернію. И вотъ я помню, въ чудную Святую ночь я очутилась въ первый разъ въ жизни одна одинешенька въ глухой деревушкѣ, на окраинѣ которой скромно ютился полуразвалившійся храмъ науки. Неопытная въ практической, повседневной жизни, не знающая цѣны деньгамъ, я встрѣчала свѣтлый праздникъ безъ гроша въ карманѣ, такъ какъ послѣдніе гроши истратила на куличи и пасху, а теперь стояла одинокая, растерянная у маленькаго темнаго окошка своей лачужки и думала, что у меня даже на свѣчку не осталось 3—5 к., и подарить на праздникъ моему единственному Николаю, старому сторожу... Бумъ-бумъ-бумъ... Громовые часы съ хрипомъ и стономъ пробили одинадцать. Скоро заутреня. Горло судорожно сжимается, непрошенныя слезы подступаютъ, и вотъ вотъ я расплачусь, расплачусь какъ ребенокъ. Одна, одна, далеко отъ своихъ, кругомъ тихо, темно, жутко.... А дома теперь всѣ собираются къ заутренѣ. Мама хлопочетъ въ кухнѣ съ куличами, вкусно пахнетъ, всѣ настроены по праздничному, все прибрано, Маруська вертится передъ зеркаломъ, одѣла новое платье. У иконъ лампадочки горятъ. Слезы, слезы неумолимо полились изъ глазъ, и я невольно опустилась передъ иконой, передъ которой даже лампадку не зажгла, такъ какъ денегъ на масло не было, и стала горячо молиться.

Я поднимаю глаза на святой ликъ Пресвятой Дѣвы, и малодушныя слезы смѣняются слезами радости и умиленія. Мой любимый образъ Богоматери. И мнѣ показалось, что передъ нимъ горитъ невидимая лампада. Господи, помоги мнѣ,—молилась,—научи меня жить, Господи... Въ это время вошелъ мой старый Николай и принесъ масло для лампадки, это онъ на свои деньги купилъ, на свои послѣдніе гроши. И мнѣ снова становится обидно, что я ничѣмъ не могу его отблагодарить. Вынимаю изъ кармана портмонэ, ощупываю его... Пусто... Какъ вдругъ моя рука нащупала что то твердое, маленькое. Что такое? Открываю по очереди первое, второе, третье отдѣленіе—пусто. А рука продолжаетъ ощущать маленькое твердое.

Только теперь обратила вниманіе на боковой секретный кармашекъ, въ кошелькѣ, который я никогда не открывала съ момента покупки этого кошелька.

Нажимаю маленькую, едва замѣтную кнопку, отстегиваю лапканчикъ и, Боже мой..., замираю отъ удивленія, въ карманчикѣ яркій, маленькій и совершенно новый золотой въ 5 рублей и крохотная записочка.

Въ волненіи кое какъ развертываю записочку и читаю: «Милая Шура, тебѣ будетъ трудно, а у меня дома все есть. Твоя Маруся». Милая, чудная, далекая моя сестренка... Моя славная, кроткая Маруся... И когда она съумѣла сунуть этотъ золотой? Золотой, который она берегла какъ святыню, такъ какъ его ей подарила бабушка и Маруська вѣрила, что этотъ золотой ей принесетъ счастье. И она не пожалѣла отдала его мнѣ... Славная, родная, хорошая Маруська...

Духъ захватываетъ отъ радости... Сразу моя маленькая комнатка, показалась мнѣ какой-то другой свѣтлой залой, а огонекъ у образа разгорается сильнѣй и сильнѣй.... И заливаетъ свѣтомъ эту славную комнату. Я хватаю платокъ и кричу: Николай, гдѣ вы, идемте къ заутренѣ..

Наскоро накидываю старенькую шубку, и сопровождаемая моимъ вѣрнымъ другомъ, который едва поспѣваетъ за мной бѣгу въ церковь, едва не по колѣно увязая въ

ЕКАТЕРИНБУРГЪ 22-ГО МАРТА.

СВѢТЛЫЙ ПРАЗДНИКЪ. Христосъ Воскресе! — разносится по необъятной, великой Руси, и по всему православному славянству, какъ всегда, какъ въ годы спокойной, мирной жизни. Съ тѣмъ же религіознымъ подъемомъ встрѣчаетъ полутораста милліонный русскій народъ Свѣтлый праздникъ, съ какимъ переживался имъ этотъ день съ колыбели. Но срываются-ли съ языка слова любви и прощенія къ врагамъ также, какъ къ друзьямъ теперь когда врагъ залилъ своей и русской кровью тысячеверстныя пространства и сердца милліоновъ отцовъ, матерей, дѣтей и женъ полны невыносимой скорбью по умершимъ на полѣ брани близкимъ людямъ? Объ этомъ такъ не хочется думать, такъ бѣжишь самой мысли, что въ христіанинѣ должна происходить тяжелая мучительная борьба между вѣрой и непосредственнымъ чувствомъ воспріятія кошмарной дѣйствительности. Только сознаніе того, что не Россія начала первая неслыханное и невиданное еще кровопролитіе, а была вынуждена взяться за оружіе и идти на кровавое дѣло, защищая не только свои родные очаги, но и очаги братьевъ—сербовъ вносить душевное успокоеніе и примиряетъ религіозныя переживанія съ убійствомъ человѣка человѣкомъ. Къ этому присоединяется еще другое чувство, возвышающее настоящую войну до подвига со стороны славянъ и ихъ союзниковъ. Она ведется не только для того, чтобы отразить дерзко напавшаго врага и нанести ему ударъ, но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ положить конецъ основаннымъ на силѣ международнымъ отношеніямъ и подвести подъ нихъ моральныя, христіанскія начала. Германцы одни изъ всѣхъ остальныхъ не только европейскихъ цивилизованныхъ, но и восточныхъ, стоящихъ на низшей степени культуры народовъ сознательно и убѣжденно исповѣдуютъ культъ силы. Борьба съ ними пріобрѣтаетъ характеръ войны освободительной, въ извѣстномъ смыслѣ крестоваго похода. Неподдающіяся описанію звѣрства, производимыя германцами не въ состояніи аффекта, который такъ возможенъ на полѣ битвы, а вполнѣ обдуманно и спокойно съ цѣлью устрашенія и причиненія наибольшаго вреда своимъ противникамъ ставятъ ихъ внѣ семьи христіанскихъ народовъ. Толкнуть ихъ къ послѣдней для собственнаго же ихъ блага и для спокойнаго существованія всей Европы также входитъ въ задачи, которыя преслѣдуютъ упорно объединившіяся противъ нихъ державы. Это тоже возвышаетъ настоящую войну и находитъ оправданіе въ основахъ христіанской морали. Конечныя цѣли еще не близки, но уже сейчасъ можно съ увѣренностью сказать, что пораженіе германскихъ державъ неизбѣжно и съ каждымъ днемъ, каждымъ часомъ приближается. Правда не могла—быть принесена въ жертву міровому злу, которое самоувѣренно ковали германцы въ теченіе 40 лѣтъ. Задуманный и детально разработанный ими планъ европейской войны потерпѣлъ съ первыхъ же дней военныхъ дѣйствій полное крушеніе. Молніеносный ударъ по Франціи, разгромъ ея въ теченіе мѣсяца оказался безумнымъ мечтаніемъ Вильгельма. Его приняла геройская Бельгія погибшая сама, но спасшая Францію и тѣмъ обезпечившая окончательное пораженіе германцевъ. Высшая справедливость не допустила торжества той неправды, того зла, которыя уже внесли германцы въ жизнь другихъ народовъ и которыми дерзко мечтали заполнить весь міръ и сдѣлаться едиными его властителями. Стремясь обуздать культурныхъ варваровъ, каковымъ именемъ удостоены германцы, союзники полны христіанскихъ чувствъ, не мстятъ своимъ врагамъ, а карауютъ ихъ той карой, которая опредѣлена имъ свыше. Не ненависть, противную людямъ носящимъ въ сердцѣ своемъ Христа, выказали союзники, сражаясь съ общимъ врагомъ, а чувство гуманности и человѣчности. Меньше крови, меньше жертвъ является величайшимъ ихъ желаніемъ, которое выражается, какъ въ общемъ планѣ веденія войны, такъ и въ отдѣльныхъ даже кровавыхъ бояхъ.

ВОЙНА

(ПО ТЕЛЕГРАФУ)

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ.

НА ИМЯ ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА.

Ваше Императорское Высочество!

Сегодня, 9-го марта первоклассная австрійская крѣпость Перемышль, осажденная Нашими славными войсками, пала. Гарнизонъ ея въ составѣ 9 генераловъ, 2593 штабъ-и оберъ-офицеровъ и болѣе 117000 нижнихъ чина сдался, принявъ всѣ поставленныя условія. Такой блестящій результатъ при самыхъ ничтожныхъ потеряхъ съ нашей стороны достигнутъ нашими войсками благодаря Вашему общему, соображенному со всей обстановкой руководительству, исключительной энергіи, непоколебимой твердости и мужеству Вашего Императорскаго Высочества. Высоко цѣня Ваши плодотворные труды какъ Верховнаго главнокомандующаго, пожаловали Мы Васъ въ ознаменованіе столь радостнаго событія и въ знакъ особаго благоволенія къ Нашей славной арміи, руководимой Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ, кавалеромъ Императорскаго военнаго ордена Нашего святого великомученика и побѣдоносца Георгія 2-ой степени, знаки коего, при семъ препровождая, повелѣваемъ возложить на себя и носить по установленію.

Пребываемъ къ Вамъ навсегда неизмѣнно благосклонны.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукой написано:

НИКОЛАЙ».

9 марта 1915 года. Ставка.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ МИНИСТРУ ФИНАНСОВЪ.

Въ дополненіе къ указамъ Нашимъ даннымъ министру финансовъ 20 и 25 іюля, 12 и 19 сентября, 11 ноября 1914 г. и 13 января 1915 г. о предоставленіи права отлагать протестъ векселей и о повременномъ пріостановленіи протестовъ и мѣръ взысканія по нѣкоторымъ векселямъ Всемилостивѣйше повелѣваемъ. 1) По векселямъ, выданнымъ до 17 іюля 1914 г. срокомъ послѣ указаннаго числа до 17 ноября 1914 г. включительно, мѣсто платежа по коимъ находится въ губерніяхъ Варшавской, Калишской, Кѣлецкой, Ломжинской, Люблинской, Петроковской, Плоцкой, Радомской, Сувалкской и Холмской, пріостановить протесты и принятіе мѣръ взысканія на девять мѣсяцевъ со дня истеченія срока каждаго такого векселя. 2) По векселямъ выданнымъ до 17 іюля 1914 г. включительно, срокомъ съ 18 ноября 1914 г. до 17 ноября 1915 г. включительно мѣсто платежа по коимъ находится въ губерніяхъ, поименованныхъ въ отдѣлѣ первомъ настоящаго Указа, пріостановить протесты и принятіе мѣръ взысканія на пять мѣсяцевъ со дня истеченія срока каждаго такого векселя. 3) По векселямъ, выданнымъ до 17 іюля 1914 г. включительно срокомъ съ 18 марта до 17 апрѣля 1915 г. включительно, мѣсто платежа по коимъ находится въ губерніяхъ, поименованныхъ въ отдѣлѣ первомъ настоящаго Указа, пріостановить протесты и принятіе мѣръ взысканія на одинъ мѣсяцъ со дня истеченія срока каждаго такого векселя. 5) Къ векселямъ, на кои распространяется дѣйствіе сего Указа, примѣнять правила установленныя въ отдѣлахъ второмъ и четвертомъ Указа отъ 12 сентября 1914 г. 6) Предоставить министру финансовъ распространять означенныя въ отдѣлахъ 1—5 настоящаго Указа отступленія отъ общаго порядка протеста взысканія, по векселямъ, выданнымъ 18 іюля 1914 г. по мѣрѣ надобности на прочія мѣстности Имперіи, а также удлинять установленныя въ упомянутыхъ отдѣлахъ отсрочки для предъявленія векселей къ протесту и принятія мѣръ взысканія по онымъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано

НИКОЛАЙ».

Въ Царскомъ Селѣ 17 марта 1915 года.

Скрѣпилъ предсѣдатель совѣта министровъ статсъ-секретарь Горемыкинъ.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

Въ виду обстоятельствъ военнаго времени признали Мы за благо на основаніи ст. Государственныхъ законовъ установить въ измѣненіе и дополненіе Указовъ Нашихъ, данныхъ Правительствующему Сенату 5 октября и 11 ноября 1914 г. и 13 января 1915 г. объ установленіи въ губерніяхъ Царства Польскаго общаго мораторія и о продленіи послѣдняго, нижеслѣдующія временныя правила. 1) Опредѣленные въ отдѣлѣ первомъ Именного Высочайшаго Указа 5 октября 1914 г. льготные сроки увеличиваются на пять мѣсяцевъ. 2) Дѣйствіе Именного Высочайшаго Указа 5 октября 1914 г. распространяется на всѣ договорныя обязательства возникшія до 17 іюля 1914 г. сроками послѣ 17 ноября 1914 г. до 17 апрѣля 1915 г. включительно, коимъ мѣсто платежа денегъ находится въ перечисленныхъ въ отдѣлѣ первомъ помянутаго Указа губерніяхъ, съ тѣмъ, что предъявленіе исковъ о платежѣ денежныхъ суммъ и принятіе мѣръ къ взысканію послѣднихъ, пріостанавливается по обязательствамъ сроками послѣ 17 ноября 1914 г. до 17 января 1915 г. включительно на пять мѣсяцевъ, по обязательствамъ сроками послѣ 17 января до 17 марта 1915 г. включительно на три мѣсяца, а по обязательствамъ сроками послѣ 17 января до 17 апрѣля 1915 г. включительно, на одинъ мѣсяцъ со дня истеченія срока каждаго такого обязательства. 3) Дѣйствіе постановленія изложеннаго въ литерѣ а пункта второго, отдѣла третьяго Именного Высочайшаго Указа 5 октября 1914 г. распространяется на производство платежей по векселямъ, коимъ истекли отсрочки, установленныя въ Высочайшемъ Указѣ сего числа министру финансовъ даннымъ. 4) Дѣйствіе постановленія отдѣловъ седьмого и восьмого Именного Высочайшаго Указа 5 октября 1914 г. распространяется на возникшіе до 17 іюля 1914 г. частные долги, обезпеченные ипотеками на городскихъ недвижимыхъ имуществахъ, перечисленныхъ въ отдѣлѣ первомъ помянутаго Указа губерній, срокъ уплаты коихъ истекаетъ до 17 апрѣля 1915 г. включительно. Постановленіе это не примѣняется къ процентамъ по симъ долгамъ, и къ платежамъ по ссудамъ городскихъ кредитныхъ обществъ.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано

НИКОЛАЙ».

Въ Царскомъ Селѣ 17 марта 1915 года.

Скрѣпилъ предсѣдатель совѣта министровъ статсъ-секретарь Горемыкинъ.

(ОТЪ ПЕТРОГРАДСК. ТЕЛЕГР. АГЕНТСТВА). ГОВѢНІЕ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ.

ПЕТРОГРАДЪ. 19 марта. Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Феодоровна съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Августѣйшими Дочерьми говѣли на Страстной недѣлѣ Великаго поста. Въ Великій четвергъ Ихъ Величества съ Августѣйшими дѣтьми пріобщились Святыхъ Христовыхъ тайнъ въ Феодоровскомъ Государевомъ соборѣ.

ОТЪ ШТАБА ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО.

ОТСТУПЛЕНІЕ ГЕРМАНЦЕВЪ. НАСТУПЛЕНІЕ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ ВЪ КАРПАТАХЪ.

На фронтѣ къ западу отъ Нѣмана нами въ теченіе 18 марта одержанъ существенный успѣхъ надъ германцами въ районѣ Красна, что къ западу отъ Симно. Здѣсь подъ упорнымъ натискомъ нашихъ войскъ противникъ началъ поспѣшно отступать.

Въ Карпатахъ наше наступленіе продолжается. Веська существенные результаты достигнуты нами 17марта въ районѣ Воли Миховой и Лутовиска. Въ районѣ Воли Миховой наши войска, взбираясь по поясъ въ снѣгу по отвѣснымъ почти склонамъ горъ и ведя упорный бой въ лѣсахъ, опутанныхъ проволокой, шагъ за шагомъ выбивали австрійцевъ изъ ихъ скоповъ и овладѣли рядомъ укрѣпленныхъ высотъ главнаго Бескидскаго хребта.

На Лутовискомъ направленіи, несмотря на сильный огонь непріятеля и глубокій снѣгъ, мы такъ же выбили австрійцевъ изъ ряда ихъ позицій западнѣе Насичны и юго-восточнѣе Дзерниковъ.

За 17 марта нами взято въ Карпатахъ въ плѣнъ свыше 80 офицеровъ, 5600 нижнихъ чиновъ, захвачено 4 орудія и 14 пулеметовъ.

На Хотинскомъ направленіи нѣсколько австрійскихъ баталіоновъ, занимавшихъ укрѣпленную позицію въ районѣ деревень Шиловцы и Малинцы были нами 17 марта окружены и частью уничтожены. Остатки этихъ баталіоновъ въ числѣ около 1500 человѣкъ взяты въ плѣнъ.

ОТЪ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

(Оффиціально).

ПЛѢННЫЕ ГЕНЕРАЛЫ ГАРНИЗОНА ПЕРЕМЫШЛЯ.

При взятіи бывшей австрійской крѣпости Перемышль русскимъ войскамъ сдались въ плѣнъ въ составѣ гарнизона нижеслѣдующіе генералы австро-венгерской арміи: комендантъ крѣпости генералъ-отъ-инфантеріи Германъ Кусманекъ, начальникъ 23 гонведной дивизіи фельдмаршалъ лейтенантъ Арпадъ Тамаши, фельдмаршалъ-лейтенанты Карлъ Вайцендорфъ и Вильгельмъ Никль, генералъ-маіоры: Альфредъ Веберъ, Рудольфъ Зейде, Артуръ Кальтнекеръ, Георгій Комма и Фридрихъ Клойберъ.

ОБСТРѢЛЪ ГОСПИТАЛЕЙ И САНИТАРНЫХЪ ПОѢЗДОВЪ.

12 марта во время обстрѣла бомбами съ германскихъ аэроплановъ станціи Остроленки подвергались обстрѣлу, несмотря на ясно видимые опознавательные знаки, госпитали и питательный пунктъ Краснаго Креста, а также санитарные поѣзда за нумерами 31 и 131. При этомъ часть санитарныхъ вагоновъ была повреждена, а среди медицинскаго персонала оказались пострадавшіе.

(ОТЪ ПЕТРОГРАДСК. ТЕЛЕГР. АГЕНТСТВА).

НА РУССКО-ГЕРМАНСКОМЪ ТЕАТРѢ

ПРЕСЛѢДОВАНІЕ ГЕРМАНСКАГО АЭРОПЛАНА.

ПЕТРОГРАДЪ. 18 марта. Сообщаютъ: въ районѣ деревни Гузовъ на фронтѣ лѣваго берега Вислы нашъ летчикъ поручикъ Казаковъ 18 марта обнаруживъ, аэропланъ противника, бросавшій бомбы, поднялся на своемъ аппаратѣ и сталъ преслѣдовать непріятеля. Встрѣченный огнемъ нѣмецкаго аэроплана Казаковъ настигъ однако противъ. и нанесъ ему ударъ по верхней плоскости его аэроплана. Подбитый непріятельскій аэропланъ опустился въ районѣ своихъ войскъ. Казаковъ, у аэроплана котор. отъ сотрясенія сломался пропеллеръ, не могъ продолжать преслѣдованіе и благополучно спланировалъ въ районѣ нашихъ войскъ.

ВОЙНА СЪ ТУРЦІЕЙ.

ОТЪ ШТАБА КАВКАЗСКОЙ АРМІИ

ПОЛОЖЕНІЕ НА РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ГРАНИЦѢ.

Въ Приморскомъ направленіи незначительныя перестрѣлки. Въ артвинскомъ бою нами отбито у турокъ 2 орудія. На прочихъ направленіяхъ безъ перемѣнъ.

ХРОНИКА.

Пріемъ у преосвященнаго.

Пріемъ у преосвященнаго Серафима въ 1-й день Пасхи состоится съ 11 час. утра.

Назначеніе.

Предсѣдателемъ Уральскаго попечительнаго комитета въ Перми назначенъ помощникъ начальника ст. движен. Пермской ж. д. С. Я. Хмѣльницкій.

Лекція Н. А. Гредескула.

24 марта въ общественномъ собраніи состоится лекція бывшаго тов. предсѣдателя 1-ой Государственной Думы Н. А. Гредескула на тему—«Насиліе надъ міромъ» и «Европейская война и роль въ ней Россіи».

Въ о-вѣ техниковъ.

24 и 25 марта назначено общее собраніе общества Уральскихъ горныхъ техниковъ.

Въ О-вѣ потребителей.

24 марта въ 12 час. дня состоится продолженіе общаго собранія екатеринбургскаго общества потребителей по вопросу объ усиленіи средствъ общества.

Благотворительный спектакль.

26 марта въ общественномъ собраніи данъ будетъ спектакль на татарскомъ языкѣ, сборъ отъ котораго пойдетъ въ пользу раненыхъ воиновъ. Будутъ поставлены—«Тармутъ Курбанляры» (Жертвы жизни) драма въ 4-дѣйствіяхъ Ф. Туйкина и «Ираамъ Кайтди» (Мужъ вернулся) фарсъ въ 1-дѣйствіи М. Гольштейна.

Въ коммерческомъ собраніи.

25 и 28 марта въ коммерческомъ собраніи устраиваются семейно танцовальные вечера.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ.

Въ контору газеты: «Уральская Жизнь» поступили слѣдующія пожертвованія.

Въ пользу раненыхъ: отъ сотрудниковъ, служащихъ и рабочихъ газеты и типографіи «Уральская Жизнь» отчисленій изъ жалованія 108 р. 54 к.; конторы газеты: «Уральская Жизнь» 50 р.; преподавателей частной женской гимназіи Нелькиной 7 р.; Сельменской 3 р.; отъ Комитета Богословской каменно-угольной копи помощи семьямъ призванныхъ 14 р.

Въ пользу семей запасныхъ: служащихъ Екатеринбургскаго отдѣленія Петроградскаго столичнаго ломбарда 31 р. 91 к.; собравшихъ среди мѣстной адвокатуры вмѣсто вѣнка на гробъ умершему В. В. Ларіонову 17 р. 50 коп. Въ пользу Сербіи отъ Е. Ф. Успенской 5 руб.

Въ пользу Всероссійскаго земскаго Союза взамѣнъ визитовъ отъ С. Я. Крейнесъ получено 5 руб.

Всего съ прежде поступившими 1855 руб. 92 коп.

Всѣ пожертвованныя суммы отправлены по назначенію, и въ конторѣ газеты хранятся росписки соотвѣтствующихъ учрежденій.

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

ОПЕРА.

Пасхальный репертуаръ оперной труппы А. Н. Дракули составленъ разнообразно и интересно.

23-го марта днемъ повторяется опера Глинки «Жизнь за Царя», причемъ партію Антониды вмѣсто г-жи Нестеренко исполнитъ г-жа Мейнгардтъ. Вечеромъ впервые въ сезонѣ пойдетъ «Мазепа» Чайковскаго съ г. Ульяновымъ въ заглавной партіи, г-жей Нестеренко—Маріей, г-жей Евгеньевой—Любовь, г. Залискимъ—Андреемъ и г. Никольскимъ—Кочубеемъ.

24 марта подъ Благовѣщенье запрещены всѣ представленія, и въ виду этого состоится только одинъ дневной спектакль, начинающійся въ 2 час. дня. Пойдетъ «Евгеній Онѣгинъ» въ нѣсколько измѣненномъ составѣ. Татьяну будетъ пѣть г-жа Фирсова, Ленскаго—г. Ротинскій, Гремина—г. Зубаревъ.

25 марта утромъ пойдетъ «Демонъ» съ г. Модестовымъ въ заглавной партіи, вечеромъ «Пиковая дама».

26 марта вечеромъ пойдетъ «Садко» Римскаго—Корсакова съ г. Ротинскимъ въ заглавной партіи.

Труппа готовитъ къ постановкѣ на Ѳоминой недѣлѣ оперетту Джонса «Гейша».

АККОРДЫ ЖИЗНИ.

«Аде, гдѣ твоя побѣда? Смерте, гдѣ твое жало?..

Съ дѣтства знакомыя, радостно ликующія восклицанія пасхальной утрени, не кажутся ли они намъ въ настоящее время исполненными горечи, вызывающими въ груди не побѣдно—торжествующее чувство, но гнетущую накипь слезъ, подступающую къ горлу судорожнымъ клубкомъ?..

Развѣ не адъ, кошмарно—жестокій, раскинулъ свое мрачное царство чуть не на весь міръ, — по полямъ мирной, веселой Польши, у снѣжныхъ Кавказскихъ хребтовъ, «отъ Альпъ неподвижныхъ до Па-де-Кало», по аквамариновымъ водамъ океановъ, въ воздушно—синѣющей лазури, гдѣ рѣютъ аэропланы и проплываютъ цепелины? Въ этомъ царствѣ творятся ужасы, отъ которыхъ живая кровь превращается въ кристаллы льда.

А смерть, этотъ отвратительный «рыцарь скелетный съ косою»,—не сбираетъ ли обильную кровавую жатву подрѣзывая своимъ ржавымъ оружіемъ молодыя, полныя кипучихъ силъ жизни?

Да, надъ многострадальной землей несется «грозный шквалъ вражды, насилья, скорби, страха, какихъ, быть можетъ, міръ не зналъ»...

Но все же неувядающей прелестью, нерекившей столѣтія, вѣетъ отъ торжественнаго пасхальнаго канона Іоанна Дамаскина, возвышеннаго поэта церкви; бодрую увѣренность въ конечную побѣду свѣта и добра надъ темными силами ада вливаютъ въ трогнувшую душу его радостныя пѣснопѣнія.

Беззвѣздный Эребъ вновь послалъ противъ людей своихъ вѣрныхъ слугъ, чернокрылыхъ демоновъ съ огненными глазами и озлобленно—каменнымъ сердцемъ, — ненависть, жестокость, кровожадность и много другихъ, что неистовствуютъ теперь въ странахъ, охваченныхъ заревомъ войны.

Но ихъ могущество призрачно и безсильно. Это въ сущности послѣднія вспышки гаснущаго ада.

Развѣ многообразныя проявленія зла, царящаго на поляхъ кровавыхъ битвъ, въ мѣстахъ, вовлеченныхъ въ сферу войны, не ослабляются, не блѣднѣютъ, не теряютъ свою злую власть надъ человѣчествомъ при встрѣчѣ съ актами безграничнаго самоотверженія, принесенія себя въ жертву другимъ, — сіяющими подвигами великой, безкорыстной любви, столь частыми тамъ, гдѣ летаютъ жестокіе демоны войны.

Эти подвиги — отзвуки божественной заповѣди «положить душу за другіе свои», заповѣди, подкрѣпленной крестной смертью, запечатлѣнной свѣтлымъ днемъ Воскресенія.

Вѣрные ей тѣмъ самымъ приносятъ къ подножію Распятія букетъ кроваво—красныхъ розъ, которыя, отъ кротко—прощающей улыбки Христа превратятся въ безгрѣшныя, чистыя лиліи, залогъ воскресенія бѣдной, темной земли...

С. Виноградовъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

АЛАПАЕВСКЪ.

17 марта закончилась здѣсь десятидневная «Алексѣевская» ярмарка. Эта ярмарка является какъ-бы продолженіемъ Ирбитской, и сюда пріѣзжаютъ не расторговавшіеся въ Ирбитѣ мелкіе торговцы. Покупатели исключительно крестьяне, охотно покупаютъ даже заваль, поэтому у большинства торговцевъ къ концу ярмарки были пустые балаганы.

Недурно, если не лучше торговцевъ, «т[illegible]ва» содержатели разныхъ развлеченій, выманивая всевозможными способами,—рулеткой, стрѣльбой въ цѣль, бикосомъ и т. п.,—пятаки и гривенники у обывателей, надѣляя ихъ мыломъ и прочими полезными дешевыми вещами.

Пріѣзжалъ на ярмарку и циркъ, приглашая широковѣщательными афишами посмотрѣть невиданныя еще здѣсь зрѣлища. И дѣлалъ хорошіе сборы.

Даже въ Вербное воскресенье, публика внесла въ кассу цирка 150 рублей, получивъ лошадь съ граммофономъ.

Не говоря о мелкихъ, неизбѣжныхъ во время ярмарокъ, кражахъ, не обошлось и безъ крупной кражи: въ ночь на 15 марта обокрали купца Бахтіярова. На центральной улицѣ, со двора проникли въ магазинъ и забрали изъ витрины все серебро и золото на довольно крупную сумму.

Весна уже даетъ себя знать: сильно [illegible]спортились и почернѣли дороги, бѣгутъ ручьи.

Каждая весна заставляетъ призадуматься обывателя Алапаевска.

Приходится дѣлать расходъ—покупать полуаршинныя галоши, чтобъ не утонуть въ знаменитой Алапаевской грязи, особенно, ночью при имѣющихся 3 фонаряхъ, зажигающихся «для порядка».

Редакторъ А. В. Комаровъ.

Издатель П. И. Пѣвинъ.

ТЕМЫ сочиненій по русскому языку, предложен. на испытаніях зрѣлости въ гимназ., реальн. училищ. на конкурсн. испытаніяхъ въ спец. учебн. заведеніяхъ съ 1891 по настоящій годъ съ указаніемъ литерат. источниковъ съ отвѣтами на эти темы. Составилъ Г. Корикъ. Цѣна 30 к. (кладъ—Одесса, книжн. магазинъ „Одесскія Новости". Дерибасовск., 20. Полный каталогъ учебныхъ книгъ высылается безплатно.

ПИШУЩІЯ МАШИНЫ лучш. системъ: Ундервудъ, Ремингт. и др. случайныя и малодержанныя, исключит. дешевыя цѣны—(отъ 40 руб.—съ многолѣтней гарантіей). Подробности по требованію: Т-во „Пишущая машина" Петроградъ, Невскій пр. 88.

КИСЛОВОДСКЪ дача „Теберда", расположена на высокомъ, солнечномъ, сухомъ живописномъ мѣстѣ, въ большомъ саду, противъ казеннаго парка и кав. оранжереи. При дачѣ столовая комнаты, квартиры, особняки—отдаются круглый годъ. Адресъ: Кисловодскъ, никоп. дача „Теберда" П. П. Утяковой.

НА БЕРЕГУ ЛѢЧЕБНАГО ОЗЕРА ТУРГОЯКЪ въ 12 в. отъ желѣзнодор. ст. Миассъ сдаются дачи Ахр. Екатеринбургъ Почтов. переул. № 3 у Ив. Ф. Телѣшникова.

Молодой французскій швейцаръ, опытный, ищетъ мѣсто на лѣто или постоянное. Имѣетъ наилучшіе аттестаты и рекомендаціи. Адр. Л. Еги препод. франц. яз. Минское комм. училище г. Минскъ.

Молодой англичанинъ ищетъ мѣсто на лѣто или постоянное. Знаетъ франц. яз. художникъ и спортсменъ. Имѣетъ дипломы и рекомендаціи. Адр. А. Фостеръ, дворянскій домъ г. Минскъ.

Интеллигентный, желаетъ получить мѣсто счетовода, конторщика, личнаго секретаря или завѣдующаго матеріальнымъ складомъ (какъ счетоводство, такъ и матеріальное дѣло хорошо знаю, а также знаю пріисковое счетоводство—согласенъ на пріиски—имѣю солидныя рекомендаціи и 6—лѣтнюю практику.—Адресъ въ К-рѣ „Ур. Ж." или А. Н. П-на

ПРІѢХАВЪ ИЗЪ МОСКВЫ желаю получить мѣсто конторщицы,—корректорши-пишу на машинѣ, знаю новые языки,—имѣю рекомендацію, Тихвинская 64 Юлія Августовна.

БУХГАЛТЕРА, счетовода или конторщика ищу мѣсто 25 лѣтняя практика на горныхъ заводахъ и промыслахъ. Референціи. Адресъ: Бѣлорѣцкій зав. уголъ Тирляндской и Посадѣнной ул. д. Балевина. Е. Ф. Бѣлоусову.

НУЖЕНЪ рессорный крытый экипажъ для города не дорогой. Тутъ же сдается комната большая, свѣтлая, съ электр. освѣщ. Сибирскій пр. 36 кв. Феодосьева.

ПѢТУХИ породъ Плимутрокъ и минорка продаются Усольцевская д. № 114.

МАТЕМАТИКИ УРОКИ даетъ дама за всѣ кл. ср. уч. зав. Крестовоздвиж. № 29.

ОКОНЧИВШАЯ ГИМНАЗІЮ СЪ МЕДАЛЬЮ даетъ уроки по предметамъ ср. учебн. заведеній. Спеціальность русск. и франц. яз. предложенія адресовать въ редакцію „Уральская Жизнь" для Ф. И.

БЫВШ. СТУД.-ТЕХНОЛ. готов. и репет. за всѣ класс. ср. уч. зав. (спец.: матем. и слов.), препод. франц. и нѣм. яз. Васенцовская № 120

ИЩУ СЛУЖБЫ кассирши, машинистки, продавщицы, согласна въ уѣздъ. Адресъ Уктусская 31 лавка Трутнева у довѣреннаго.

ПРІѢХАВЪ ИЗЪ МОСКВЫ, желаю получить мѣсто шоффера Имѣю свидѣтельство Водочная 57 низъ.

ПРИ ДОМѢ СМИРЕНСКАГО рядомъ съ Мужской Гимназіей въ нижнемъ этажѣ флигеля сдается квартира пригодная для конторы, магазина или частной квартиры—Условія узнать у домохозяевъ.—Тутъ же продается новобельная корова съ теленкомъ.

КВАРТИРА ОТДАЕТСЯ заново отдѣланная 6 комнатъ 7 кухня—теплый коридоръ. Сибирская ул. № 18

ОТДАЮТСЯ 1, 2 или 3 комнаты недорого. Главный 12 квартира 5.

СЛУЧАЙНО освободилась квартира большая, удобная, электрич., водопроводъ и ванна. Ул. Усольцевской и Покров. пр. № 16-64, х. Бакенщикова.

Отдается квартира 3 комнаты теплая, сухая въ домѣ особнякъ, со всѣми принадлежностями, съ большимъ благоустроеннымъ садомъ Златоустовская 63—4.

МАГАЗИНЪ ОТДАЕТСЯ со всѣми удобствами и готовымъ отопленіемъ. Пушкинская ул. № 16.

КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНАЯ МАШИНА пресъ подержанная дешево продается. 1-я Береговая № 13

РОЯЛЬ продается недорого Никольская № 51.

ПРОДАЮТСЯ ДВѢ ДАЧИ на Шарташѣ у озера, онѣ же и сдаются видѣть отъ 12 до 1 ч. Уктусская № 3 а А. А. М.

ДАЧИ СДАЮТСЯ. Сговориться Пушкинская ул. д. № 17 Воробьевой.

ПРОДАЮТСЯ ПОДЕРЖАНЫЯ лѣсопильная рама, мѣстная паровая машина съ котломъ въ 12 силъ и локомобиль въ 15 силъ. Ул. Главн. пр. и Луговой № 68, верхъ.

Продается разная мебель. Гоголевская 46 вверху.

Садоводство Иванова. Васенцовская № 86. Въ большомъ выборѣ въ цвѣту: Гіацинты, Тюльпаны, Нарциссы, Крокусъ, Ландыши, Сирень, Азаліи, Лакъ-фіоль и др. Заказы изъ цвѣтовъ—корзины и пр. принимаются заранѣе. Имѣются въ продажѣ редисъ и салотъ.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ готовыя собственнаго производства, принимаю заказы и починку Ювелиръ А. Лягаевъ Покров. пр. № 45, наискось Американской гостиницы.

ЗАЛОГОВАЯ 6000 Р. переделается, тутъ же сдаются ДАЧИ. Адресъ: Основинская № 27.

КАПУСТА превосходная, шинкованная получена изъ Кыштыма и продается фунтами или пудами Вокочная 117.

ПРОДАЕТСЯ лисій гарнитуръ совершенно новый, Коробковская д. № 5 верхъ.

ДОМЪ ПРОДАЕТСЯ Госпитальная № 5. спросить въ лавкѣ Пильщикова С. Г.

ДОМЪ ПРОДАЕТСЯ доходный. Ул. Тихвинской и Отрясных. № 56/25. Условія узнать рядомъ по Отрясих. № 25.

ПРОДАЕТСЯ машина швейн. центр. шуттльн. дробь-кабинетъ вышиваетъ, приводы: шитъ и штопаетъ, КНИГИ 14 экземп. вся энциклопедія; 4-ре тома Платонъ; КРОВАТЬ никкелированная относ. съ пружинным матрацемъ, и другая мебель. Ул. Крестовоздвиженской и второй Береговой № 4 вверху,

СПѢШНО продается домъ съ переводомъ долга) двухэтажн. съ больш. камен. флигелемъ, тепл. подваломъ, 2 мал. флигеля камен. бол. службы, хорош. садъ. Тутъ же продается лошадь. Арсеньев. пр. № 29, близь вокзала.

Доступно всѣмъ! за 26 коп. 12 шт. настоящихъ фотографическихъ карточекъ. Сегодня снялись Завтра готово. Удобно для увеличенія личности, присылкамъ и высылкамъ почтой. **Электро-Фотографія** Покровскій просп., наискось парка г. Златоуста. Близко аптеки Лидеръ. Открыта съ 9 час. утра до 8 часовъ вечера, въ праздники съ 11 ч. утра до 8 час. веч.

1-го МАЯ 1915 г. РОЗЫГРЫШЪ ВЫИГРЫШНЫХЪ БИЛЕТОВЪ 3-го займа въ Петроградѣ въ Государственномъ Банкѣ. ВСѢ могутъ участвовать въ выигрышахъ и получить: — за 10 руб. 1/10 часть выигрышей по 10 билетамъ за 6 руб. 1/20 часть выигрышей по 10 билетамъ за 3 руб. 1/20 часть выигрышей по 5 бил. или 1/50 часть по 20 бил. или 1/100 часть по 40 бил. съ безплатной страховкой отъ тиража 1 Мая 1915 г. Заказы исполняются по полученіи денегъ или наложеннымъ платежомъ по полученіи задатка. Деньги до 10 руб можно прислать марками въ заказномъ письмѣ. Главный Выигрышъ 200 000 р. ОБЩАЯ СУММА ВЫИГРЫШЕЙ 600.000 р. Требованія направлять: Банкирскій домъ Н. А. СМИРНОВЪ ШЕЛАПУТИНЪ и К°. Москва, Петровка, 20 Телеф 5-46-62.-Для телегр. Москва-Цвѣбанкъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ на 1915 г. подписка на еженедѣльн. семейн. художеств.-литерат. журналъ **РОДИНА** (со 100 КНИГАМИ РОМАНОВЪ) и пр. ч.), равно какъ на ИЗЯЩНОЕ полное собраніе всѣхъ сочиненій **Л. ТОЛСТОГО** въ 82-хъ книгахъ при еженедѣльн. иллюстрир. журналахъ „Голосъ Жизни" и „Всемірная Новь" ПОДРОБНАЯ ПРОГРАММА высылается БЕЗПЛАТНО Акц. Общ. Издательства А. А. Каспари Петроградъ, Лиговская ул., д. 114.

Утвержденная Правительствомъ **РУССКО-АЗІАТСКАЯ КОММЕРЧЕСКАЯ Биржевая артель.** Предлагаетъ изъ среды своихъ членовъ, вполнѣ опытныхъ отвѣтственныхъ служащихъ по всѣмъ спеціальностямъ въ Торговыя, Заводско-Промышленныя, Сельско-хозяйственныя и другія т. п. предпріятія. Гарантируя добросовѣстность выполненія возложенныхъ на артельщиковъ службъ всѣми артельными капиталами свыше 160,000 р. и кромѣ того круговою порукою всѣхъ артельщиковъ. Для вновь вступающихъ паевые взносы установлены въ 1053 р. Правленіе въ гор. БУРГАНѢ. Контора арт